

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

СЕРГЕЙ
ПИНЧУК

БАЛКАНСКАЯ
ЗВЕЗДА
ГРАФА
ИГНАТЬЕВА

Россия державная

Сергей Пинчук

**Балканская звезда
графа Игнатьева**

«ВЕЧЕ»

2018

Пинчук С. А.

Балканская звезда графа Игнатьева / С. А. Пинчук — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-8656-2

1878 год. Россия воюет с Турцией. На Балканах идут сражения, но не менее яростные битвы идут на дипломатическом поле. Один из главных участников этих битв со стороны России – граф Николай Павлович Игнатьев, и он – не совсем кабинетный дипломат. Он путешествует вместе с русской армией, чтобы говорить с турками от имени своего императора сразу же, как смолкнут пушки. Его жизни угрожает турецкая агентура и суровая балканская зима. Его замыслы могут нарушиться подковёрными играми других участников дипломатической войны, ведь даже те, кто играет на одной стороне, иногда мешают друг другу, но Сан-Стефанский договор, ставший огромной заслугой Игнатьева и триумфом России, будет подписан!

ISBN 978-5-4484-8656-2

© Пинчук С. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

От графа Игнатъева к русским читателям	5
Граф Игнатъев. Габровский проход (Шипка)	9
Долина роз и трупов	12
Унтер-офицер Никита Ефремов. Шипка	17
Сказ о жизни Никиты	20
«Семена прогресса и свободы»	24
Авторское отступление первое: «Вере, Царю, Отечеству»	29
Авторское отступление второе: «Наш человек в Стамбуле»	34
Карандаши и шифр	40
Не идти вперед нельзя, идти невозможно	43
Переговоры	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Пинчук

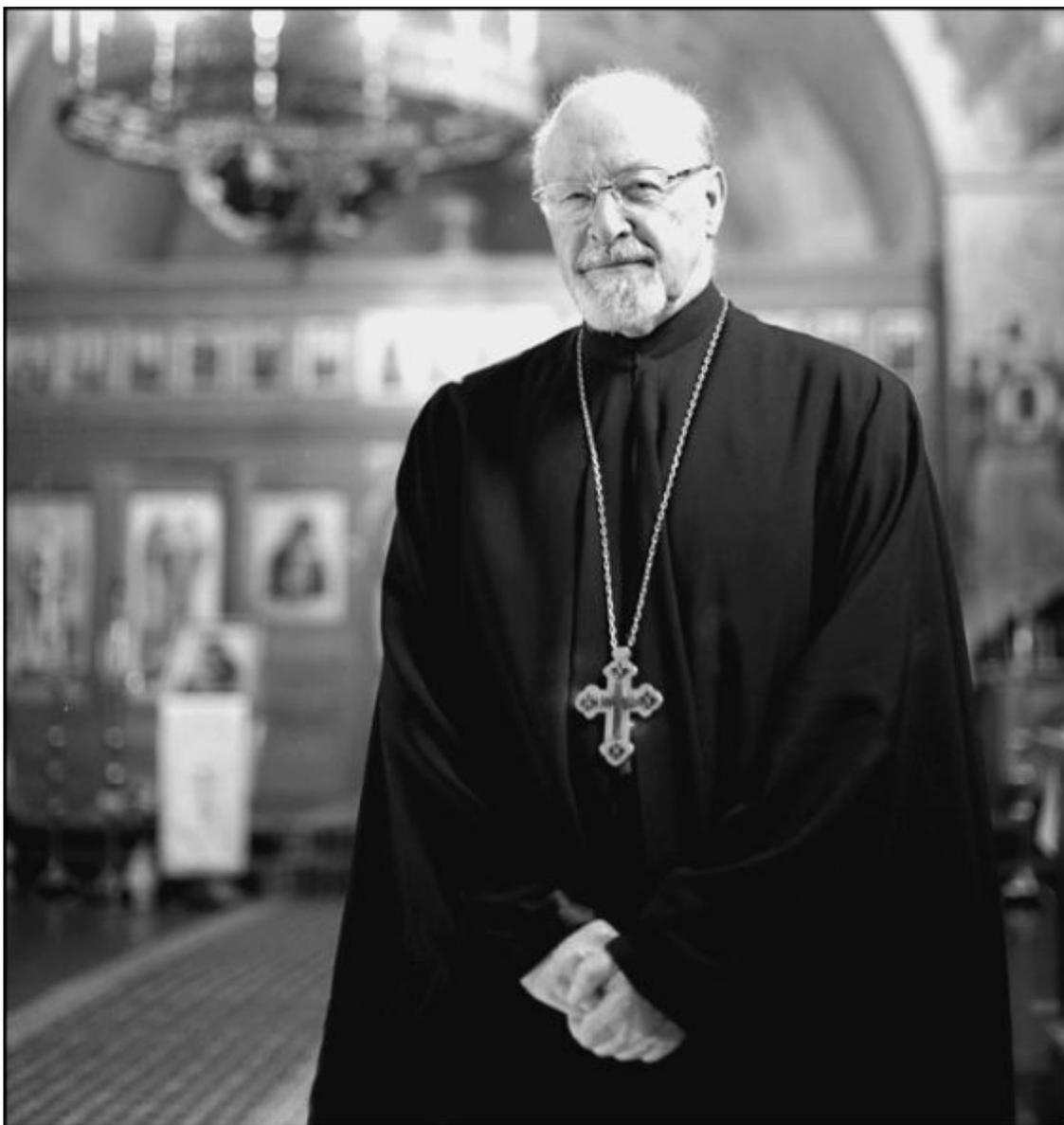
Балканская звезда графа Игнатьева

От графа Игнатьева к русским читателям

– О чем это вы заговорили? – спросит меня удивленный читатель.

– Я хотел было написать предисловие, потому что нельзя же совсем без предисловия.

Ф. М. Достоевский Дневник писателя

Я никогда не писал предисловий к книгам, никогда не предавался занятию литературного критика и не одалживал своего имени в качестве рекламы. Но был вынужден уступить настойчивости автора, так как это совсем другой случай. Исключительный в своем роде. Книга Сергея Пинчука – это первое художественное произведение, посвященное моему прадеду, выдаю-

щему русскому дипломату и политику графу Николаю Павловичу Игнатъеву, рассчитанное на самый широкий круг читателей.

Думаю, что мой прадед был одним из немногих дипломатов, который не только разобрался в тонкостях дипломатической игры, но остро и точно понимал глубинную сущность России, знал ее историю и, отчасти, предвидел ее будущее. Он, например, в 1858 году предсказал сразу после Крымской войны, что западные державы постараются в будущем отнять от России сначала Польшу, а затем примутся за Малороссию. Игнатъев понял, что у России друзей нет и не будет. Не доверял прадед и Турции. В этом вопросе, как мы можем убедиться, остался прав и по сей день.

В 1860 году Игнатъев подписал Пекинский мирный договор, благодаря которому Россия получила выход в Японское море, и за ней утвердился обширный край к востоку от Уссури и по Амуру. Как говорили тогда современники, всего этого Игнатъев добился без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием. В 1878 году Николай Павлович подписывает еще один договор, ставший триумфом и вершиной его карьеры: Сан-Стефанский, названный так по местечку Сан-Стефано, располагавшемуся в десяти верстах к западу от Константинополя. Именно этот документ освободил Болгарию, Сербию, Черногорию и Западную Румынию от Османской империи. Однако военные и политические позиции России оказались гораздо слабее, чем это представлялось Игнатъеву. Европа восприняла усиление российского влияния на Балканах в штыки. Кроме известных ценностных расхождений Игнатъева с частью правящих кругов России, тем же канцлером А. М. Горчаковым, с традициями петербургского Министерства иностранных дел. Да, ему противостояли самые серьезные и могущественные политики Запада – из Англии, Пруссии, Франции и Австрии. Благо на тот момент политическая интуиция не подвела царя. Александр II верно чувствовал, что, если бы Россия тогда настояла на своих правах, это привело бы как минимум на 40 лет раньше к масштабной войне на европейском континенте. И российская элита, которая, по словам поэта Алексея Толстого, «лежала то пред тем, то пред этим на брюхе», ментально не была готова к подобному исходу, рассчитывая на мировую сделку с европейскими державами. Все это усугубило положение России на предстоящем Берлинском конгрессе. Выгодные для нее положения Сан-Стефанского договора были вычеркнуты, карту Балкан перекроили. В русском обществе мирный договор в Берлине называли «позорным» ...

После окончания русско-турецкой войны деятельность Игнатъева на поприще внутренней политики также не сложилась. Он предложил провести выборы в Земский собор от всех слоев населения и фактически был сослан из Петербурга в Киевскую губернию в село Круподеринцы. На подольской земле граф прожил более 20 лет. Здесь сохранилась построенная на его средства уникальная церковь в византийском стиле. В ней размещается склеп-усыпальница графа, его жены и дочери, а на подворье – единственный в Украине памятник русским морякам, погибшим в Цусимском сражении. Наша семья потеряла в этом сражении сразу трех молодых людей, двоюродных братьев. Среди них был и младший сын Николая Павловича – офицер эскадренного броненосца «Император Александр III» веселый Владимир Игнатъев. «Водю крещеный, морем взятый» – написано на памятнике. Установленный графом незадолго до его смерти, монумент представляет собой четыре соединенных якоря, посередине которых – огромный камень с двухметровым крестом. Местные жители рассказывают, что этот камень весом почти в 8 тонн их деды тянули на волах из карьера почти 2 года!

Чтобы завершить портрет своего прадеда, добавлю еще один важный штрих. Николай Павлович был во многом нетипичным чиновником. Выходец из военной среды, он заметно выделялся среди тогдашних дипломатов: обладал личной храбростью и сметкой, не терялся в сложных обстоятельствах и умел находить неординарные решения. Посол в Константинополе не боялся отстаивать перед начальством в Петербурге свою точку зрения. Его характеру была противна система лжи, угодничества и лицемерия, царящая при дворе и в Министерстве ино-

странных дел. Но было ли правильно все то, что делал Игнатъев? Ошибался ли он в своих расчетах? Конечно, нет. Не всегда его суждения и оценки политической ситуации на Балканах и в Европе были верными. Но это были его суждения, за них он боролся искренне и бескорыстно, мучился сомнениями, размышлял...

Вместе с тем Игнатъев был очень русским человеком. Это важно для меня, так как наша семейная история глубоко связана с Россией, а значит, частичка меня принадлежит исторической родине. Счастьем для Николая Павловича явилось то, что он вышел и возрос из добрых семейных корней служилого русского дворянства, что во многом предопределило его социальный статус и судьбу. Первый предок Игнатъевых, которого мы знаем, Федор Бяконт, был на службе у сына Александра Невского – князя Даниила Александровича. Один из его сыновей стал монахом и известен как святой Алексей, митрополит Московский, святитель всея Руси. Его справедливо называют отцом Куликовского сражения, потому что именно он воспитал и вдохновил на ратные подвиги Дмитрия Донского. Благодаря ему Москва стала тем городом, той столицей, которой она ныне является. По совету святителя Алексея и по его проекту, великий князь решил расширить Московскую крепость и ее стены выстроить из белого камня, добываемого в подмосковных каменоломнях по реке Пахре. Святитель Алексей выбрал для облицовки новых московских стен белоснежный известняк. С той поры Московская крепость приобрела наименование Кремля, а в народе Москва начинает именоваться Белокаменной. Любопытно, что сам термин «кремль» (в варианте «кремник») впервые встречается в летописях 1317 года в рассказах о постройке Тверского кремля, где была возведена деревянная городская крепость, которую обмазали глиной и побелили...

По другой прямой линии – от прабабушки – я происхожу от фельдмаршала Михаила Кутузова. А моего прапрадеда, графа Павла Николаевича Игнатъева, постсоветский человек не знает, потому что его большевики не любили: когда было Декабрьское восстание, он со своим отрядом окружил мятежников. Прадед, Николай Павлович, о ком и написана эта книга, генерал, выдающийся российский дипломат, национальный герой Болгарии. Дедушка, Алексей Николаевич Игнатъев, был последним киевским генерал-губернатором. Волею судеб сегодня я последний в роде Игнатъевых, оставшийся православным и русским. И я стараюсь жить так, чтобы быть достойным своего рода и родины своих предков, духовно окормляя русских православных людей в Германии, в приходах, где я служу.

Без прошлого нет будущего. Без памяти нет человека. Без семейной истории нет и самой семьи, и страны. Эти временные пояса крепко связывают нас.

Прошлое России преломилось в судьбах конкретных людей. Таких как мой прадед – граф Игнатъев, таких как простой унтер-офицер Никита Ефремов, да и многих других героев этой книги. Более того, некоторые вымышленные им персонажи и факты воспринимаются нами как реально существовавшие. Делает это автор легко, изящно, увлекательно, втягивая читателя в удивительный мир политических хитросплетений 1878 года. Полагаю, что романист может придумывать все, что кажется ему правдивым или правдоподобным, и этим обнаружить важнейшую правду, на которую историческая наука, сдерживаемая строгими рамками документов, не может отважиться. На Западе масса таких примеров. Поэтому я надеюсь, что и книга о графе Игнатъеве будет интересна читателям в России.

*Митрофорный протоиерей
граф Димитрий ИГНАТЬЕВ*

Русским дипломатам посвящается

«Е.в. император всероссийский и е.в. император оттоманов, движимые желанием возратить и обеспечить своим государствам и своим народам благоденствия мира, а также предупредить всякое новое усложнение, которое

могло бы угрожать этому миру, назначили в качестве своих полномочных, для установления, заключения и подписания прелиминарного мирного договора:

е. в. император всероссийский с одной стороны – графа Николая Игнатъева... г-на Александра Нелидова....

и е.в. император оттоманов с другой – Сафвета-пашу, министра иностранных дел... и Садуллах-бея, посла е.в. при германском императорском дворе».

*Преамбула Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора,
Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г.*

Сан-Стефано (San Stefano, греч. Hagios Stephanos, по имени визант. монастыря) деревня в 15 км к западу от Константинополя, у Мраморн. моря; 2 тыс. жителей; 19 февраля 1878 заключен здесь мирный договор между Россией и Турцией, значительно изменен Берлинским конгрессом.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Граф Игнатьев. Габровский проход (Шипка)

Январь 1878 года

После очередного толчка громадный известняковый валун пошатнулся и со скоростью почти 200 метров в секунду ринулся вниз. Ударив по участку горного склона, камень обрушил вслед за собой громадный пласт непрочного переметенного снега. Он с головой накрыл крытую повозку, погребя под собой ездового и идущих рядом солдат. От резкого удара переломилось дышло. Правая пристяжная лошадь в испуге рванула вперед, отчаянно, с хрипом, рвя постромки, стала валиться в пропасть, потянув за собой кибитку.

При сигнале опасности, а в данном случае резком звуке, в кровь выбрасывается адреналин, мышцы напрягаются, готовятся к бегству или борьбе. Гормон стресса – адреналин буквально наэлектризовал Игнатьева. Его бросило в пот, во рту пересохло, тело, казалось, одеревенело. Было трудно дышать, так как лицо и дыхательные пути запорошило снежной пылью. «Господи, спаси и сохрани!» – эти слова мелькнули в голове зарницей, пока он пытался выпростать руки из пут тяжелого овчинного полушубка.

Инстинкт самосохранения подсказал – прыгать в противоположную от пропасти сторону нельзя – утянет вместе с кибиткой, смещавшейся с каждой секундой вниз. Выбив со второго удара сапогом дверцу, Игнатьев вывалился из кибитки набок, упав на скользкий карниз, образовавшийся на контрфорсе скальной стены. В следующую секунду лошадь сорвалась с карниза, а кибитка, с хрустом треснув, полетела за ней, едва не зацепив задним колесом пассажира.

Его руки тщетно цеплялись за лед, срывая ногти в кровь, в попытке найти хоть какую-то опору, чтобы избежать этого страшного центробежного движения. Хрупкий наст неожиданно подломился, и ноги, попав на каменную крошку, заскользили вниз. Когда отчаявшийся человек уже был готов отдаться страшному потоку, неминуемо влекущему за собой, судьба послала точку опоры в виде обледеневшего куста под склоном – там, где начинался ледяной желоб с острыми пиками скал. Не в состоянии притормозить, Игнатьев в последний момент мертвой хваткой вцепился в его костлявые ветки, чуть не выдернув плечевой сустав. Говорят, именно так утопающий хватается за соломинку. Эта соломинка, точнее обледеневшие ветки колючего можжевельника, не дали ему упасть в бездну. Только сейчас он смог перевести дыхание, осмотреться, унять зябкую дрожь. И посмотреть вниз. Ощущение было жутковатое – над чернеющим провалом оседала мелкая снежная пыль. Перед глазами возникли лица его жены Катеньки и детей. «Милые мои, родные», – беззвучно шептали губы...

Казалось, что прошла целая вечность, пока над карнизом не показались две головы в мохнатых шапках. «Держись крепче, ваше благородие!» – заорали сверху. У него сразу отлегло от сердца. Вниз упала веревка со стремечком. Спасительная веревка болталась на уровне глаз, но Игнатьев так и не смог расцепить руки, будто приросшие к ледяным веткам. Через несколько минут на импровизированной лебедке к нему спустился один из солдат с вздернутым носом и озорными глазами. На Николая Павловича, непривычного к табаку, пахнуло крепким запахом махорки и разгоряченным от спуска мужицким телом. Солдат сноровисто, на весу, обвязал туго веревку вокруг его тела и помог вставить ногу в стремечко.

– Жить еще будем, вашблагородие, – по-отечески хлопнув Игнатьева по плечу, сказал солдат, показав жестом своим товарищам наверху: мол, пора тянуть. Соединенными усилиями не без труда путешественника вытащили на подошву скалы...

Горбоносый болгарин-помак¹долго всматривался вниз, пока до конца не осела снежная пыль, поднятая лавиной. На нижней террасе копошились русские солдаты, растаскивая вручную завалы из камней и разгребая снег. Коляски нигде не было видно.

– Аллах сизе гисмет елесин Иншаллах! Собаке – собачья смерть! – смачно сплюнув, сказал горбоносый, обращаясь к своему низкорослому спутнику, напоминавшему маленького злобного снеговика в громадном тулупе. Глаза его в ответ хищно сверкнули:

– Бей по шее, бей по пальцам! И это для неверных настоящая милость Аллаха. Сказано же в Коране: сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и не подчиняется религии истины, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными! Аллах послал на голову этого богомерзкого кафира камень, который погреб его под собой! Надо поторапливаться, Петко-бей!

Отбросив подальше в сторону две большие деревянные оглобли, с помощью которых столкнули камень, помаки, прежде чем начнется спуск с Шипки, поднялись еще выше, чтобы обогнуть большой известковый бугор, возвышающийся над проходом. За этой покрытой снегом преградой открылся живописный вид на верхнюю часть долины Тунджи и горной цепи, сплошь покрытой густыми буковыми лесами, отделяющей ее от Фракии. Там проходил такой крутой и безлесный склон, что в свое время специально для проезда султана даже были выстроены перила вдоль искусственно выложенной дороги.

Затеплились звезды, кругом развернулась бесконечная панорама горных вершин, красиво плававших в серебряном мерцании ночи. Деревья стояли, словно кто-то украсил их венками, сплетенными из ползучих растений, и ледяными гирляндами, которые свисали с них. Как будто все это изваяно волшебной рукой неведомого художника. Помаки шли сосредоточенно, порою по грудь проваливаясь в сугробы, не обращая внимания на окружающую красоту. Ветер и поземка вскоре замели их кривые следы, и только луна – яркая и ясная – еще долго

---

¹ Помаки – потуреченные болгары.

маячила над их головами кровавым полумесяцем. Прошло много времени, пока им удалось достичь ближайшей деревушки. Хозяин харчевни, анатолийский турок, и его редкие клиенты с любопытством поглядывали на незнакомцев, ввалившихся посреди ночи в одежде, покрытой снегом с панцирем изо льда. После ужина горбоносый тронулся в сторону Казанлыка, а его партнер остался ночевать в гостинице, чтобы поутру также отправиться по направлению к Адрианополю.

* * *

О том, что турки готовят покушение на графа Игнатьева и главнокомандующего русской армией – великого князя Николая Николаевича, тайный русский агент в Константинополе Поль Анино узнал совершенно случайно из подслушанного частного разговора в Порте. Его послание в Бухарест, куда первоначально направлялся Игнатьев, к сожалению, запоздало. Слишком запоздало. Когда русский посол в Бухаресте Стюарт получил расшифрованный текст, Игнатьев, торопившийся в Адрианополь, переправлялся на гребном судне через ледяные заторы на Дунае.

Служба началась с Тырново. Наружных агентов у турок было несколько, и они, сменяя друг друга, «вели» Игнатьева и его товарищей по остальному маршруту следования. Делать это было просто – в Тырново русский посланник приобрел весьма примечательные коляску и фургон и далее передвигался только в коляске. Ночью путники уже были в Габрово. Здесь турки разделились: пара агентов осталась приглядывать за царским посланником, а пара выдвинулась в район перевала к так называемому Орлиному гнезду.

С утра русские дипломаты начали подъем в горы. Коллеги и подчиненные Игнатьева – чиновники Вурцель, Щербачев и Базили – решили подниматься пешком, а Николай Павлович, упорствуя, остался в коляске, которую иногда приходилось проводить чуть ли не на руках сквозь узкую дорожку, так как все было забито телегами, фургонами, зарядными ящиками и орудиями. В этот момент от толпы болгар, расчищавших дорогу для подъема русских войск, незаметно отделилась темная фигура. Скрывшись за снежной пеленой, человек стал спешно карабкаться по одной, известной только ему, тропинке на вершину горы. Наверху его ожидали изрядно озябшие помаки – горбоносый и его друг.

Они уже знали, что им предстоит сделать.

Подобраться к человеку такого ранга, постоянно окруженному военными и казаками, почти невозможно.

Крутой и опасный спуск и подъем – практически не оставлял шансов на спасение потенциальной жертве.

Осталось только выбрать оптимальный способ убийства.

Долина роз и трупов

Казанлык, небольшой болгарский городок, был в 20 верстах от Шипкинского перевала. После недавнего Шейновского сражения престала существовать одна из самых боеспособных турецких армий Вессель-паши, а перед русскими войсками открывался прямой путь на Адрианополь и на Стамбул. Город был заполнен военными частями и болгарскими ополченцами, здесь же находилась и ставка главнокомандующего.

На обочинах при въезде в Казанлык валялись замерзшие людские тела вперемешку с трупами животных, оглоблями вверх торчали телеги и экипажи, которым так и не суждено было добраться до спасительного пристанища. Ветер разметал по дороге вырванные из Корана листки бумаги с арабской вязью, напоминавшие диковинных бабочек. Турки, ослепленные страхом перед русскими, бросали свой кров, имущество, массово гибли в давках по пути. Железная дорога отказалась от приема беженцев. Последний состав, уходивший в сторону Адрианополя, был доверху забит отрядами турецкой пехоты-низама и кавалерии, солдаты штыками и прикладами отгоняли от вагонов орущих женщин и детей. Первые казачьи разъезды русских опоздали всего на час. Увидев их, обезумевшая от ужаса толпа бросилась с перрона врассыпную. Люди топтали и давили друг друга. Раздавались душераздирающие крики упавших. Поэтому в январе 1878 года Казанлык больше напоминал долину смерти, а не свое поэтическое название – «долина роз».

Мертвые тела и не менее страшные уцелевшие брошенные собаки. Таким предстал перед глазами горбоносого этот городок. Миновав рыночную площадь, минареты и обгоревшие дома с заснеженными черепичными крышами, путник добрался до почтовой станции, которая имела несколько удобных отдельных комнат с коврами для приезжих и почетных гостей. Заведующий станцией старый, много повидавший на своем веку турок, с лицом изборожденными глубокими морщинами, напоминавшим пересохшее русло реки, молча указал ему на полуоткрытую дверь в одну из комнат. Там, в клубах дыма, поджав под себя ноги по-турецки, сидел светловолосый молодой человек в партикулярном европейском платье и в плотных шерстяных

носах. Его остроносые, сделанные по последней моде полуботинки, аккуратно стояли у ворсистой кромки ковра. Гость курил кальян и сосредоточенно думал о чем-то своем, прикрыв глаза. За эти две недели произошло нечто невероятное, не укладывающееся у него в голове. Логика событий была нарушена.

Фон Поггенполь, директор информационного агентства «Эженси Женераль Руссе», родился в Лифляндии. Свою малую родину он считал не частью Российской империи, а «немецким государством остзейской губернии», ошибочно и, естественно, временно существующей в рамках этого варварского славянского образования. Подданный России получал русское жалованье, ел русский хлеб и всеми фибрами души ненавидел свою же страну. Поггенполь искренне полагал, что лишь при помощи чужеземного ярма русские были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, остальные же ступеньки были вымощены трудолюбивым прусским гением. Высокомерие и неприязнь к русским не помешали молодому человеку составить довольно неплохую карьеру. Благодаря связям в аристократических придворных кругах, Поггенполь возглавил информационное агентство при Министерстве иностранных дел, что вполне соответствовало поставленной перед ним задаче. А задача заключалась в том, чтобы исправно снабжать своих берлинских родственников и их покровителей доступными ему сведениями военного и политического свойства. Его двоюродный дядюшка был близок к «железному канцлеру» Германии Отто фон Бисмарку. В декабрьском письме дядюшка сообщил племяннику, что канцлер в интимном дружеском кругу прямо заявил о своем наплевательском отношении к болгарам, этим «овцекрадам с нижнего Дуная». Однако политические результаты войны, которые Бисмарк увязывал с будущим международным положением Германии и ее соседей, его крайне интересовали. Поэтому германский посол в Константинополе получил инструкцию, по возможности, «утопить в чернилах» весь болгарский вопрос. «Железный Отто сложил свою карту Балканского полуострова, по которой следил за ходом войны, – писал Поггенполю берлинский родственник, – и сказал, что до весны она ему не понадобится. Зимой наступление через Балканы невозможно. Эту точку зрения разделяет и старик Мольтке».

К такому же выводу пришло и правительство Австро-Венгрии. Все исследователи Балкан считали Шипкинский и Траянский перевалы непроходимыми для войск в зимнее время и, тем более, для артиллерии. На этих крутых горных склонах бесследно исчезли римские легионы, а турки, покорившие Византию и болгарское царство, предпочитали искать обходные пути. И невозможное возможно. Особенно с этими русскими, которые действовали вне рассудочной логики. Шипка и Траян пали в считанные недели перед натиском небольших отрядов, едва ли превосходивших турок, защищавших эту твердыню природы. Решительный поворот событий, произошедший за две новогодние недели, сильно встревожил и Берлин, и венский двор. «Поистине, положение немцев и австрийцев было бы весьма приятным, если бы мы, а не славянские дикари имели бы свой естественный выход к Адриатическому и Средиземному морям, – меланхолично рассуждал Поггенполь, покуривая кальян, – а пока восточная часть Германии искромсана, как объединенный крысами хлеб!»

Чуть слышно отворилась дверь.

– Это я, эфенди, селам алейкум! – сказал горбоносый, входя в комнату.

Поггенполь поднес к холодным светлым глазам кисть левой руки с плоскими часами в кожаном браслете и медленно перевел глаза на помака.

– Вы опоздали на целый час. С таким чудовищным отношением ко времени вы так и останетесь средневековыми варварами, живущими в европейской части Турции! – произнеся эту фразу, Поггенполь сделал акцент на слове «европейской». – Толку с того, что мы снабжали вас новейшими орудиями, собранными лучшими немецкими мастерами на заводах Круппа и Бокум феряйн? Вы будете снова и снова проигрывать славянским ордам, пришедшим с

Востока, чтобы насиловать ваших женщин и надругаться над вашей верой, пока мы не приучим вас к немецкому порядку и точности!

– Успокойтесь, эфенди! Все прошло наилучшим образом, – Петко присел на ковер и, наклонившись прямо к уху европейца, стал ему что-то торопливо рассказывать. За дверью, в прихожей, послышался скрип половиц. Петко по-кошачьи гибко вскочил на ноги. Его рука потянулась за пояс, где был спрятан нож.

Широкая фигура зрителя заслонила светлый дверной проем. Голос у него был самый почтительный, а все же чудилась насмешка:

– Еще кальяну уважаемым гостям?

– Да, Гасан, – расслабленно кивнул Петко, – и подай нам ракии. Сегодня особенный день. А вам, господин Поггенполь, придется раскошелиться не только за ракию!

«Чох яхши, помаклар, – морщины на лице зрителя расплзлись в широкой и лучистой улыбке, – как говорят, «йи акшамлар» – посидели, поговорили и ушли. Только учти, любезный, что в час акшами – час заката – порядочным людям не полагается вообще говорить о важных предметах. Иначе злые джины сотворенные, как сказано в Коране, из чистого огня без дыма могут все это проглотить». Духанщик беззвучно смеялся, обнажая белесые малокровные десны. Тут же принесли еще один украшенный перламутром кальян с длинным мундштуком. Старик заранее положил в кальян немного семян конопли и одурманивающего средства. Вода весело забулькала в сосуде, как только помак, развалившийся на мягких подушках, с мечтательным видом начал тянуть из него наркотический дымок...

С утра Поггенполь стал первым посетителем телеграфной станции. Это была одна из немногих турецких телеграфных станций, занятая теперь русскими телеграфистами. О турецком присутствии ничего не напоминало, за исключением свежей репродукции с портретом султана Абдул-Хамида на стене: напыщенный мужчина в красной феске, с выпуклыми бараньими глазами, сластолюбивым ртом и традиционной «священной бородой калифа», к которой какой-то шутник умудрился пририсовать изображение мужского полового органа с крылышками. Ниже на гвозде болталась копия приказа по войскам от 15 января 1877 г. № 5 о приеме служебной корреспонденции на станциях государственного телеграфа и последняя депеша, которую турецкие телеграфисты так и не успели отослать адресату. При переводе ее узнали, что это было послание казанлыкского головы своему вышестоящему начальнику в Филипполь. «Громадные силы русских разбили наших в большом сражении. Казанлыкское население бежит поголовно. Учреждения Красной Луны пока остаются на месте. Приходится так плохо, что администрации надо выбирать», – жаловался градоначальник.

– Примите срочно телеграмму! – с порога заявил Поггенполь.

– Никак не могу! – русский чиновник, не отрываясь от стакана с чаем, увлеченно читал газету.

– Я утвержденный корреспондент. Вот мой знак, – Поггенполь показал ему нарукавную повязку.

– Ну и что? Не помню когда, но было твердо приказано – не принимать телеграмм, – несколько развязным тоном ответил телеграфист.

– У меня есть официальное разрешение от государственного канцлера. Вот печать. Известие крайне важного политического характера.

– Не могу принять и все. Не велено. Сказано же вам. Извольте получить разрешение в штабе. Каждая телеграмма должна быть снабжена подписью и казённой печатью лица, от которого она исходит, – служащий военно-телеграфной команды вдруг откровенно зевнул и скучно посмотрел вокруг, как бы недоумевая, когда наконец уйдет докучливый посетитель.

– Монголы! Русские свиньи! Варвары, дикари! – Поггенполь плюнул себе под ноги и, резко хлопнув дверью, побежал в штаб.

Дежурный офицер в штабе, ознакомившись с текстом телеграммы, снял фуражку и в возбуждении стал ворошить русые волосы на голове.

– Вы ручаетесь за этот текст, господин корреспондент?

– Конечно! Это информация из надежного источника. Надеюсь, вы в курсе, что редакционным телеграммам, которые прочитаны и разрешены начальником штаба, даётся преимущество перед всеми частными. Такие телеграммы идут наравне с правительственными. Все цивилизованное русское общество с нетерпением ожидает телеграмм и сведений из Болгарии.

– Обождите пару минут, – офицер встал, поправив ремень на поясе и, надев фуражку, вышел в соседнее помещение.

Пока он отсутствовал, Поггенполь достал серебряный портсигар и прикурил папироску. Быстро перегнувшись через деревянную стойку, он бросил взгляд на бумаги, разложенные ровными стопками в папках на столе. К сожалению, папки лежали достаточно далеко от него, чтобы можно было дотянуться, а предусмотрительный офицер перед уходом еще и перевернул их с лицевой стороны. Поггенполь едва успел отпрянуть от деревянной конторки на прежнее место, когда услышал приближающиеся шаги.

В комнату вошел дежурный и еще двое мужчин. Один – с погонами полковника, по-видимому, начальник штаба. Второй – в штатском – дородный, с кошачьими пепельно-русыми, усами. К его широкому лицу, оттененному резко очерченным мужественным подбородком (выпуклость которого, если верить френологам, выдает исключительно сильную волю), как будто приклеилась постоянная улыбка. На щеке красовался свежий порез от бритвы на скорую руку: капля крови даже испачкала жесткий воротник белой рубашки. Еще корреспондент обратил внимание, что руки у незнакомца были холеные, почти красивой формы, если бы не коротковатые пальцы. На каждой руке – по витиеватому перстню с бирюзой от сглаза в золотой оправе. А еще Поггенполь заметил, что полковник держался с ним независимо, но с той долей чиновной почтительности, которую нельзя было не оценить. Краем уха журналисту удалось уловить обрывок их разговора.

– Я рад, что уговорил великого князя главнокомандующего допустить иностранных корреспондентов в армию. По крайней мере, не станут оспаривать существования наших успехов и подвигов, как бывало прежде. В Европе отдадут справедливость чудным качествам русского солдата, и истина восторжествует над ложью, интригой и коварством наших порицателей и врагов, иностранных и доморощенных. А свои воры, милостивый государь, хуже чужих вдвойне, – сказал дородный господин.

Его собеседник вежливо поддакивал: «Согласен, Николай Павлович, согласен. Но, как вы сами...» – на этой фразе полковник резко замолк, увидев Поггенполя. Тем не менее и полковник, и дородный господин приветствовали корреспондента простым, но довольно холодным поклоном.

– Так значит, вы беретесь утверждать, что граф Игнатъев погиб в результате несчастного случая на перевале? – обратился к нему штатский. Глубоко под надбровьями поблескивали умные и чуть ироничные светлые глаза.

– Да, мой господин. К сожалению, не имею чести вас знать. Это крайне важная новость, имеющая мировое значение. Вместе с графом Игнатъевым погибли и все дипломатические бумаги. Мирные переговоры с Портой, как я могу предположить, по этой причине могут быть отложены на неопределенный срок или вообще сорваны. Это же вопросы войны и мира, – запинаясь, ответил Поггенполь.

– Не беспокойтесь, все бумаги здесь! – собеседник демонстративно прикоснулся к своей крупной голове. – Я – граф Игнатъев.

– О, майн Готт! – пол поплыл под ногами Поггенполя. От тлевшей в его руке папироски задымился рукав пиджака, а горящий пепел больно ожег ему ладонь. Поггенполь отбросил папироску на пол и запрыгал на месте, растирая обожженную ладонь.

– Боюсь, что главной новостью у нас станет пожар в вашем рукаве, господин корреспондент, – сказал Игнатьев под дружный смех офицеров. – Задержите этого молодого человека для выяснения обстоятельств!

Унтер-офицер Никита Ефремов. Шипка

Ну и чудной же этот барин!

На своем веку пришлось Никите и вверх, и вниз полазить: корову, свалившуюся в овраг по природной глупости, на веревках вытягивал, колодец деду Трофиму и нужники чистил, на Масленицу за петухом первый на лысый столб вскарабкался. Да и здесь, на Балканах, много чего на своем горбу перетаскать довелось по этим клятым горам и долинам. Но чтобы лезть в пропасть, как в преисподнюю, да оттуда еще и целого генерала вытащить! Такого с Никитой отроду не случилось.

А дело было так: спасенный им генерал тискал его в своих объятиях и что-то с жаром говорил ему. Ефремов, наоборот, молчал как убитый, так как в голове у него вертелась неуместная к месту и случаю поговорка: «От у нас в сели кажут так: чорт в хату лизэ! Абы не кацап!» Не дай бог, откроет рот, скажет этому пану-генералу что-нибудь неприятное, тогда – пиши пропало. Вот и стоял унтер, набычившись: не генерала боялся – себя. Увидел ротный такое дело, как Никита с генералом обнимаются, налетел как коршун. Бурку с плеча своего скинул на генеральские плечи и повел куда-то. Подходит унтер-офицер Бихневич, известный проныра и тертый калач из Одессы, и говорит: «Эх, Никита, упустил ты своего Егория. Надо было просить награду у генерала!» Посмотрел Никита на свои стертые веревкой ладони, на рваные сапоги, махнул рукой с досады, и пошли они с Бихневичем к своему взводу. Там, на дороге, два орудия почти сползли с откоса. По пояс в грязи солдаты суетились около станка, колес и запряжки, пытаясь хоть как-то вытащить их на скользкую террасу.

– Впрягайте волов в возы, хлопцы! – скомандовал Никита, сам налег на построжки грудью: «Потянули, братцы! Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая сама пойдет! Подернем, подернем», – затянул он песню, но орудия, как назло, и не думали сдвигаться с места. Пушки вязли в разьеженных колеях, пока к ним не подошел из восьмой роты Карп Меленчук, здоровен-

ный детина лет двадцати пяти, с бородой на румянном лице и с таким богатырским затылком и мощными плечами, что боязно было смотреть:

– А ну-ка... разойдись.

Быстро распоясавшись и скинув шинельку, давно лопнувшую по швам на крутой спине, этот настоящий богатырь, иначе и не назовешь, уперся в станок и поднатужился.

– Тащи за веревки, ребята! – зычно заорал Меленчук. Ухватившись за веревки, Никита с товарищами изо всех сил тянули пушку, и вскоре колеса начали медленно вращаться. «Пошла, пошла!» – радостно завопил Ефремов. На ровной террасе решили перевести дух.

– Ну ты и здоров, парень, – искренне восхитился Никита, – откуда только такой выискался?

– Наш закон – тайга, – ответил бородач, – из Сибири мы, паря. На домашнем молоке и сале вырос.

– А фамилия-то хохлацкая?

– Может, и хохлацкая, – добродушно согласился Меленчук, – да только я природный сибиряк.

– Зато и вырос с бугая ростом, – не без зависти сказал Ефремов.

– Это верно, здоров, силы на троих хватит, – улыбнулся Карп. – Ну, пойду я, что ли? Своих догонять надо.

– Иди, – подтвердил Никита. – Мы тут сами управимся. За подмогу спасибо. С тобой, Меленчук, чую, мы еще скрутим славную сигарку так, шо в мирное время не крутили. Передавай всем мужикам из восьмой привет и мой поклон.

Через час упряжка снова застряла на крутом склоне. Тут уже работали в две смены: одни отдыхали, другие работали. Все от сапог до башлыка представляло одно сплошное грязное пятно, на фоне которого лихорадочно блестели солдатские глаза под серой коркой грязи и снега. Помимо пушек лейб-гвардейцы еще тащили на себе снаряды, ружья, манерки с патронами и задки для зарядных ящиков. Провизию оставили в долине. Так вот и шли. Хорошо еще, турки из-за непогоды попрятались в свои крысиные норы, не шкодили. На половине подъема пришлось заночевать. Для штабных офицеров подыскали хорошее место – не продуваемое на ветру, под холмом, за правым флагом полка, где и была разбита их палатка. Солдаты же остались ночевать прямо на дороге.

На биваке ротный подозвал Никиту: «Унтер Ефремов, ко мне!» А Никита только было хотел попить горячего чаю. Ребята костер запалили, водичка вскипела, чтобы побаловать замерзшие солдатские души. Что делать: служба есть служба. Вздыхнул Никита, встал, оправил шинель и поплелся вслед за ротным. Остановились они возле белой обер-офицерской палатки. Ротный приподнял парусиновый полог у колышка и знаком приказал Никите войти внутрь. Там среди клубов едкого дыма он разглядел своего генерала: с румяными щеками и слезящимися от гари глазами в окружении трех офицеров. Никита, даром что деревенский, службу знал исправно, с порога зычно оттарабанил:

– Ваше высокоблагородие, унтер-офицер пятой роты гвардейского Кексгольмского полка Никита Ефремов по вашему приказанию прибыл!

– Поди сюда.

– Слушаюсь, ваш-ство!

– Да не горлань ты как оглашенный. Ну-ка, братец, расскажи мне про себя. Ты грамотный?

– Точно так-с.

– И писать умеешь?

– А как же, – с некоторой обидой в голосе отреагировал унтер.

– Как твоя фамилия?

– Ефремов, ваше-ство! Из казаков мы, стародубские.

– Вижу, что удалой. Скоро георгиевским кавалером будешь. От верной смерти меня, господа, этот молодец избавил, – обратился генерал к офицерам, – а водку тебе сегодня давали?

Никита, не зная, что ответить на этот скользкий вопрос, с большим сомнением покосился на своего ротного – тот деликатно промолчал:

– Никак нет, ваш-ство!

– А коли я тебе разрешу как старший здесь по чину?

Снял тогда Никита шапку и ответил: «Не откажусь от такой чести, вашблагородие». Подали ему чарку. Никита, перекрестившись, хрипло сказал свое любимое присловье: «Нам на здоровье, врагам на погибель», – и очень легко ловким взмахом руки опрокинул в рот водку.

«Ну и крепка. Но до чего хорошо!» – выпив, он утер губы рукавом рубахи, но закусывать не стал. Только когда выпили по второй, Никита осторожно взял с полевого стола сухарь, разгрыз его и с таким наслаждением крикнул, что Игнатьев заулыбался. И пошли тут вопросы о семье, о родине, о житье-бытье.

Надо сказать, что Никита совсем растерялся от такого обхождения, ибо никто еще из господ никогда в жизни не предлагал ему что-либо обсудить. И растерялся Никита даже не от самого генеральского предложения, показавшегося ему диковинным, а от сознания того, что он не знает, о чем, собственно, говорить. Генерал же, увидав, что Никита заробел, снова протягивает ему чарку: «Пей, солдатик!»

После третьей чарки Никиту совсем отпустило, и страхи куда-то пропали. От самодельной буржуйки, где потрескивали дрова, тянуло домашним теплом. То ли водка генеральская на него так подействовала, то ли тепло от печки, но разговорился Никита, как на исповеди, рассказав за полчаса усатому барину всю нехитрую правду о себе.

Сказ о жизни Никиты

Никита был родом из старинного малороссийского городка Мглина на северной Черниговщине².

Если взглянуть на городок сверху, то Мглин напоминал лоскутное цыганское одеяло: дома его жителей были беспорядочно раскиданы на высоких пересеченных оврагами берегах мутной речки Судынки.

Через город шла почтовая дорога, что вела из Петербурга через Смоленск и Чернигов напрямик в Киев. По всему протяжению речки жители понаделали запруды, так называемые копанки, в которых вымачивали пеньку. Ей же в основном и торговали, а еще конопляным маслом и рогатым скотом. Пенька и масло отправлялись к рижскому порту, а скот сбывали в обеих столицах. Так и жили мглиняне.

Жил так Никита и его семья. Огород, угодья. Лошади, одна корова – вот и все имущество. Прадед его был казак, дед – казак, отец – сын казачий. Словом, был Никита из казацкого рода, которому, как известно, нет перевода. Предки Никиты лихо дрались с ляхами, крымскими татарами и шведами, а причисленный к Стародубскому полку Мглин сделался сотенным местечком.

«Город наш Мглин против других городов полку стародубовского и прочих на самом пограничу стоит» – так описывали свою роль горожане в послании к полковнику Стародубского полка. После того как матушка Екатерина упразднила полк вместе со всем честным казачеством, занялись казаки бывшей Мглинской сотни хлебопашеством и разными ремеслами. Но, по сложившейся традиции, их потомки продолжали ратную службу в лучших полках российской армии. Так и Никита был призван в 1872 году по рекрутскому списку и зачислен в 19-й резервный батальон в третью роту, которой командовал свирепый капитан Сивай.

Из всего учения только что и запомнились слова капитана: «Помни одиннадцатую заповедь, не зевай, что у вас командир капитан Сивай». Потом муштра сменилась другой напа-

² Фамилия Ефремов упоминается среди казаков самого города Мглина в ревизской сказке 1850 г. (ГАБО. Ф. 415, оп. 2, д. 51) и в ревизской сказке 1858 г. (ГАБО. Ф. 415, оп. 2, д. 102.)

стью – выдумали господа офицеры «грамотность»³. Пришлось ему ежедневно, по два часа в день корпеть над буквами по новой тогда методике Столпянского. По ней все буквы считались состоящими из частей круга с придатками и писались со счетом вслух. При написании буквы «О» хором пели: «раз, два, три, О», для буквы «А»: раз, два, три, раз, А». Толку от занятий было мало: от счета вслух у Никиты стоял шум в ушах. Однако грамоту, к своему удивлению, казачий сын освоил, да так хорошо, что назначили уже его за учителя. Ходил он с палочкой между скамеек и сам кричал уже: «Пиши полкруга с левой стороны, с правой добавь еще палочку – это будет “А”».

На выборке судьба вновь преподнесла Никите сюрприз: попал он служить не куда-нибудь в гвардии, в саму Варшаву, в Кексгольмский гренадерский полк⁴. Через две зимы произвели его в унтер-офицеры и оставили при учебной команде в качестве учителя «по сигналам и гимнастике» для вольноопределяющихся. А тут Никите нечаянно свезло, и свезло по-крупному: во время отпусков библиотекарь полковой ушел домой, а ротный командир назначил Ефремова заведовать книжками. Работа – не бей лежачего. Разбаловался Никита: пища с офицерской кухни, в распоряжении книги и карты, романчики стал почитать, все больше про авантюрные приключения и амурные дела. По вечерам отправлялся в неспешную прогулку в город, на почту за газетами, по пути раскланиваясь с прехорошенькими польскими дамочками. И так время шло хорошо! В 1877 году пришел его черед сходить на побывку домой. Никита к этому событию подготовился серьезно: пальто, мундир, брюки и все по вкусу сделал и подогнал, а тут бац тебе – война!

Приехал в полк бравый генерал Бремзен и поздравил всех с мобилизацией. Дескать, война с турком объявлена, сражения начались, а посему назначенных в отпуск задержать и полки укомплектовать по военному составу. Вручили Никите под командование четвертый взвод седьмой роты. Продал с расстройством новую обмундировку жидкам Никита за полцены. Солдату лишнее не нужно, идет, понимаешь, на войну, а им только по дешевке и подавай.

30 августа вывели их на площадь, митрополит окропил святой водой, а граф Коцебу⁵ сказал на прощание: «Так вот, братцы, мы спали, а вы верно, Богу молились, и он вас благословил на доброе дело. Дай же Бог мне вас встретить обратно, но с георгиевскими крестами». Казалось, вся Варшава вышла провожать. Защемило что-то в груди у Никиты, когда он увидел в толпе напротив, как женщины вытирают слезы и машут белыми платками, вспомнилась ему матушка и чернобровая соседка Оксанка. Тут прозвенел первый колокольчик, потом второй и третий, дребезжащий свисток обер-кондуктора, совпавший со свистом паровоза, клубы дыма, команда «По вагонам!» и – чух-чух – поехали. На бессарабской станции Бендеры приказали им надеть шинель в рукава, затем была остановка в Кишиневе, где Никита успел сходить в город, в трактир, и по солдатскому обыкновению выпил рюмочку и чайком побаловался – война-то еще впереди. Вечером поезд повез их дальше по направлению к румынской границе.

– Господи, благослови и помоги честному делу в час добрый! – крестясь, промолвил сосед Никиты. «Прощай, матушка Рассея!» – подумал Никита. Про себя же решил, что если судьба позволит выжить ему на войне, то по возвращении, на побывке, обязательно сходит в «Киев» – богу помолиться. За окном отправляющемуся составу картинно салютовал молдавский часовой – доробанец в сером суконном пальто и барашковой шапке. Слева в шапку было воткнуто

---

³ С 1874 г. в русской армии было введено обязательное обучение грамоте солдат, находящихся на действительной службе. (Примеч. автора.)

⁴ С 1857 по 1894 г. полк назывался Кексгольмский гренадерский Императора Австрийского полк. Старшинство с 1710 г. В 1831 г. полк был причислен к составу Отдельного Гвардейского корпуса. В 1894 г. полк получил права Старой Гвардии и стал называться лейб-гвардии Кексгольмским Императора Австрийского полком. Полковой праздник 29 июня в день святых апостолов Петра и Павла. (Примеч. автора.)

⁵ Коцебу, Павел Евстафьевич – генерал от инфантерии Русской императорской армии, генерал-адъютант, отличившийся во время Крымской войны, в 1874–1880 гг. – Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа.

какое-то диковинное перо, то ли петушиное, то ли индюшки – Никита так и не смог на глаз определить породу птицы. Стоял часовой у форменной будки, окрашенной косыми синими, желтыми и красными полосами. Как будто ничего вокруг и не изменилось: те же крестьяне, те же бабы и мужики в полях, те же колодцы с «журавлями», как у Никиты на родине.

А все ж за граница – Румыния!

Первый встреченный по пути румынский город Яссы показался ему довольно живописным. Дома раскинулись амфитеатром на холме, белый цвет стен пестрыми пятнами мешался с зеленью садов, черепичными крышами и жестяными, как серебро сверкающими на солнце куполами церквей. На самой платформе толпилось множество русских и румынских солдат в щеголеватой форме, напомнившей Никите актеров из варшавской оперетты. Язык румын понравился унтеру: отдельные слова вроде и знакомы на слух, а понять – ничего не поймешь. Обращался к румынам по-нашему – а они только руками разводят: тоже не понимают. Зато главное слово «война» по-ихнему звучало как «разбой». «Так оно и есть. Правильный язык!» – сделал для себя логический вывод Ефремов.

Встретил тут Никита случайно своего земляка и товарища с детства, с которым вместе попал на военную службу, Акакия Пожилецкого. Радость от встречи была короткой. Сообщил дружок Никите, что землячки их – Маринич, Могомошко, Полоницкий, Бондоров и Батура – уже убиты и спят вечным сном в сырой земле. «Вот те на!» – почесал затылок унтер, смотря в грустные серые глаза Акакия. Самому ему как-то не хотелось верить в такой печальный конец. Собирался что-то и сам сказать в ответ, да не успел. Понеслась по перрону команда: «По вагонам!». Люди засуетились, зашумели, попрыгали в свои товарные теплушки. Состав дрогнул и медленно стал набирать ход.

Как заметил Никита, от станции до станции пути охранялись казачьими разъездами, следящими за состоянием полотна, рельсов и телеграфа. В каждой будке торчала физиономия с флагом или фонарем в руках. Чувствовалось, что война настоящая не за горами. Так оно и оказалось: прямо с железнодорожной станции были видны турецкие редуты, откуда время от времени показывались желтые вспышки огня, а после слышалось протяжное «уууух баба-бац», и следом картинно взлетали ошметки дорожной грязи и камней, а где и человеческое тело подкидывало...

Дальше была Плевна. Сначала часть Никиты держали в запасе, а в октябре, 16 числа, перевели на передовую. И чего только не испытал наш герой в тот день. Как начали турки через голову метать гранаты: «Ложись!» – плюхались в грязь, затем, по команде ротного, снова перебежками вперед до очередного разрыва. Офицеры все были бледные как полотно, солдаты такие же, мат-перемат, сплошной звон стоит. Вот летит и визжит эта окаянная граната, летит она через голову и сдается – вот-вот лопнет и рассыплется по всем головам да, верно, и Никитиной не минует – снесет ко всем чертям. Тут артиллерия наша в дело вступила, и турки не выдержали натиска – выкинули белый флаг. Затем был царский смотр, и полк Никиты тронулся в балканские горы по Софийскому шоссе, а что было далее, вы сами, ваше-ство, знаете...

В этом месте генерал задумчиво посмотрел прямо в глаза Никите.

– И не такое, братец мой, знаю. Потрепала тебя жизнь на войне, но это только на пользу – духом окрепнешь. Но как удивительно, что мы встретились! Ведь мы с тобой, Никита, почти земляками будем.

– Как так земляками? – сильно удивился Никита. Я всех наших бар по Мглину наперечет знаю, – и стал на руках загибать пальцы, – Косачи, Брешко-Брешковские, Скаржинские, Сиротенки, Саханские... Может из суражских? Чернявские, Калиновские, Гудовичи, Завадовские, Искрицкие? – и уж совсем осмелев, спросил: – А вы какой фамилии, извиняюсь, вашблагородие, будете?

– Игнатъевы мы, ведём своё начало от черниговского боярина Фёдора Бяконта, перешедшего на службу к великим московским князьям, отца митрополита московского святого Алексия.

– Вот оно как, – Никита с неподдельным уважением посмотрел на генерала, – от святых людей корень ваш, получается.

– Живу я, солдатик, как и ты в Малороссии. Бывает, закрою глаза и мысленно переносюсь в свой край, в милые моему сердцу Круподеринцы: мазанки белые, ныряющие из волны зелени садов и фруктовых деревьев, окружающих каждую хату; плетни отделяют дворы один от другого, кругом хмеля полно, подсолнухов, и поросята везде снуют... Словом – мечта, да и только.

Никита на генеральский манер также прикрыл глаза, представив мысленно свой родной Мглин: уютную отцовскую хатку под соломенной стрехой, цветущую вишню, черноглазую молодницу Оксану в цветном саяне.

– Так что ты хочешь в награду за подвиг свой? – прервал его мечты генерал.

– Да какой там подвиг, вашблагородие? – Никита даже привстал, – не подвиг, а баловство одно – на веревке как малому дитю покататься! Видит Бог, я своего Егория еще за дело получу. Дай только турка доколотить!

Ухмыльнулся в усы генерал и все не отстает:

– Мечта у тебя есть заветная? Самая-самая? Ну, так что же, говори, не стесняйся.

Голубые глаза Никиты враз посерьезнели:

– Хорошо бы завести пасеку, дело-то это интересное и прибыльное. Вона как сосед мой Петро жену медком балует, одного-двух трутней живыми съест и жужжит по селу довольный. Я бы Оксанку свою тоже медком приманил.

Генерал в ответ раскатисто рассмеялся: «Говорят, что у плохого человека пчелы не водятся. Жинка у меня добрая, пособит тебе, коли обратишься, держи ее адрес». И дал Никите маленький четырехугольный картонный лист – визитной карточкой называется.

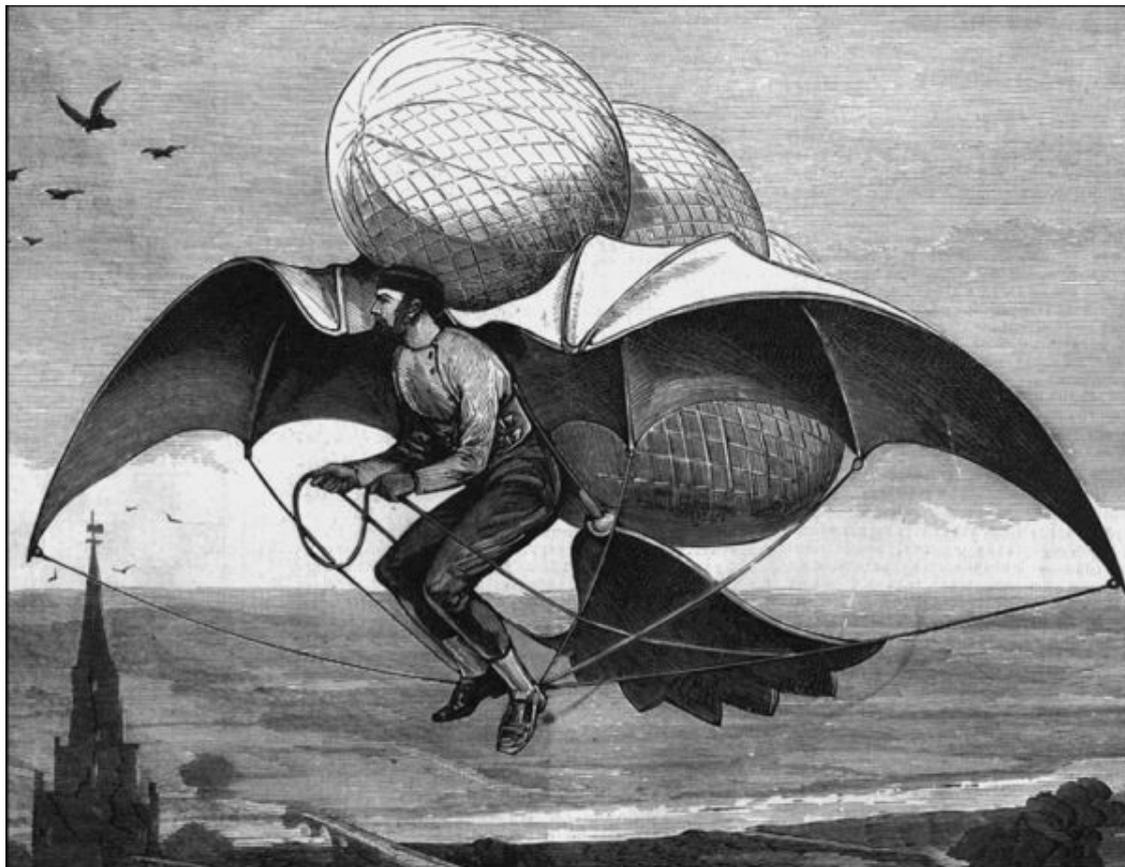
Вернулся Никита к ребятам своим в роту, рассказал им про генерала:

– Братцы, генерал этот настоящий, нашей природы, понимать все может. За ним – как у Христа за пазухой. А те, которые баре, тем понимать нас нельзя... Те по-нашему и говорить не могут...

После генеральского чая с водкой хорошо спалось Никите с седлом под головой. Снились ему жужжащие над ульями золотистые пчелы, генеральские усы и Оксанка, идущая к пруду полоскать белье. Шла она подтянуто-стройно, виляя упругими кострецами, на правом плече болталось коромысло. У сходней она наклонилась, заголила подол, обнажив крепкие бедра. От этого соблазнительно видения Никита заулыбался во сне.

Игнатъев уже в шесть утра был на ногах. Нахлестывая лошадь, вместе с десятком сопровождавших казаков, царский посланник мчался во всю прыть по дороге в казанлыкскую долину.

«Семена прогресса и свободы»

Пока оставим графа Игнатъева, заснеженные пики Балкан и мутный Дунай. Тем более что нашему герою не привыкать к дорожным приключениям. Как-то в молодости, по дороге из Пекина в Санкт-Петербург, где-то уже на сибирских просторах его застал буран. Игнатъев приказал запаниковавшим казакам поставить лошадей в круг, а сам расположился в центре с людьми, плотно накрывшись полушубками. Так и переждали непогоду, не потеряв ни одного человека в страшной ночной кутерьме.

А мы с тобой, читатель, окунемся в атмосферу зимы 1878 года. Чем тогда жила России, чем жили тогда люди, что вообще происходило в имперской столице, в златоглавой Москве и провинции? Без этих мелких, но важных штрихов наш рассказ будет неполным. Война совпала с пробуждением русского общества, с надеждами на грядущие перемены, с подъемом патриотических настроений. Кто видел восторг, с каким было встречено падение Плевны, тот невольно переносился в славную эпоху 1812 года, хотя враги России в эту войну не проникали в ее пределы нигде, за исключением Эриванской губернии, да и то на несколько верст от границы. Остро чувствующий течение времени и настроения публики, писатель Федор Достоевский вещал, что «через год наступит время, может быть, еще горячее, еще характернее, и тогда еще раз послужим доброму делу».

Прошедший 1877 год стал для России воистину годом самоорганизации общества. Это выразилось в сборе пожертвований и в создании многочисленных, по всей стране, комитетов по оказанию помощи страдающему славянскому населению Балкан. Деньги собирали все – от мала до велика. Впервые, как никогда, значительной стала роль женщин. Они занимались традиционной благотворительностью, бесплатно работали в мастерских общества Красного

Креста, отправлялись на театр военных действий в качестве сестер милосердия или фельдшерниц, где неутомимо ухаживали за ранеными. Хватало и крайностей в этом гражданском порыве. Нашлись, к примеру, экзальтированные дамы-«туркофилки», с «возбужденной фантазией и расстроеными нервами», которые устраивали пленным туркам овации, преподносили им букеты, угощали конфетами и шампанским и даже возили на пикники.

Пресса, доселе зажата тисками цензуры, повела себя шумно и смело, критикуя правительство и выборные местные органы власти. Чего стоит только одна фраза из колонки популярного тогда журнала «Всемирная иллюстрация» о том, что «лень и кумовство, по-прежнему, господствовали в среде наших дум и управ», а «праздные словоизлияния задерживали разрешение самых насущных вопросов, и общественные деньги расходовались с удивительным легкомыслием». Ох, как тогда едко проезжались журналисты по поводу столичных властей, которые целую вечность не могли разобраться с элементарным вопросом о таксе на извозчиков и о типах экипажей! А в Москве? В Москве газетчики костерили на чем свет стоит Московскую думу, тормозившую рассмотрение проекта по прокладке мостовых. Еще более хлестко писали про одесских градоправителей, отмечая их природную бестолковость. Оценка таилась внутри журналистской интонации, читалась между строк, но уже на смену эзопову языку шла прямая речь. Одно то, как все тогда жадно читали газеты, как ждали сообщений с Балкан, как порицали бездарность гражданских и военных властей, показывало глубину и масштаб произошедших в обществе перемен.

Удивительным было другое явление. Россия стремительно прирастала наукой, несмотря на то, что война давалась стране традиционно тяжело. Не хватало пушек, снарядов, медикаментов. С каждым шагом вперед росли потери. В то же время образовательные учреждения (реальные училища, учительские семинарии, женские училища, земские школы, научные общества и кружки) росли как грибы после дождя, открываясь повсюду – в Риге, Казани, Брянске, Томске, Нижнем Новгороде, Новочеркасске, Ромнах и даже в станице Урюпинской. И это все только за военный 1877 год!

Однако в реальной жизни гораздо чаще наблюдалась и обратная картина: самопожертвование и подъем патриотического движения среди широких слоев русского общества не вызвал особого восторга у отечественных предпринимателей. «Мы – будущие хозяева жизни!» – хвалились они, разглагольствуя о неслыханном преуспейнии России. В то же время их жертвования на военные нужды и благотворительность были весьма и весьма ограничены, если не сказать скудны. В русско-турецкой войне они видели только выгодное предприятие для вложения капитала. Коммерсантами и спекулянтами всех мастей наживались громадные состояния на поставках продовольствия и других товаров в действующую армию, а на робкие просьбы о помощи они откликались иронически-добродушными шуточками: «Посмотрим-посмотрим. А там уж как Бог даст». Поэтому внутренний заем не нашел в лице молодых русских капиталистов и банкиров поддержки. Показательно, что земельные банки только под сильнейшим давлением правительства согласились на отсрочку платежей должников – офицеров, медиков, железнодорожников, находившихся на войне.

Таков был фон, на котором происходили события русско-турецкой войны. Многим в России тогда искренне казалось, что это последнее напряжение сил, что дальше будет проще, что войн больше не будет вообще. А один мечтательный автор, видимо, предвкушая праздничное новогоднее застолье, провозгласил: «Пожелаем же, чтобы 1878 год довершил дела своего предшественника и позволил широко распусться семенами прогресса и свободы, брошенными на окровавленную почву Балканского полуострова. Неудачи, лишения и жертвы не страшат нас, и России не в первый раз приходится выдерживать бури и выходить с торжеством из борьбы, казавшейся не знающим духа русского народа безнадежной». «Но в испытаньях долгой кары, перетерпев судеб удары, окрепла Русь – так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», – вторил ему поэт, чье имя навсегда кануло в Лету...

Обычному человеку порой сложно понять мир девятнадцатого века – это совсем другое время, другой язык, другие нравы. Листаешь листки чьих-то дневников или пожелтевшие подшивки прессы, рассматриваешь картинки и дагерротипы, невольно удивляешься: неужели были такими и дела, и люди? Женщины и мужчины в старомодных, нигде не виданных нами одеждах, дети с лицами пасхальных ангелков, brave солдаты в мундирах. Неизвестные, навсегда исчезнувшие люди. Как они жили? Что их волновало, о чем они думали? Что составляло смысл их существования? Этого мы уже никогда не прочувствуем, хотя и попытаемся приоткрыть завесу над самыми важными событиями далекой зимы 1878 года.

Пока Россия готовилась победоносно завершить очередную русско-турецкую войну и отыграться за горечь неудач в Крымской войне, для канцлера Германии Бисмарка уже ваяли памятник на литейном заводе Гладенбека. Главный мироустроитель был изображен в непригнуженной форме в кирасирском мундире, по-наполеоновски заложивши руки между пуговицами мундира.

В это же время инженер, изобретатель и гуманист Альфред Нобель изобрел новое взрывчатое вещество. Называли его тогда «взрывчатой желатиной».

Французы собирались протянуть телеграфный канат от Франции через Нью-Йорк и Сан-Франциско к Японии. В Париже на площади Трокадеро, с широкой эспланады которой открывается панорама всего города, строили грандиозное здание к предстоящей в 1878 году всемирной выставке. Рихард Вагнер написал новую оперу «Парсифаль», в которой после «языческого» «Кольца нибелунга» возвращается к христианским символам и ценностям.

В России, в самый канун нового года, умер популярный поэт Некрасов, автор знаменитой поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Траурная процессия с его гробом растянулась на весь Петербург и вылилась в стихийный митинг. Газетчики ошиблись в некрологе, и, выправляя ситуацию, «Московские ведомости» сообщили подписчикам, что «Вчера в заметку о смерти Н. А. Некрасова вкралась опечатка: напечатано, что покойному было 65 лет от роду, следует читать: 56 лет».

Мир покидали не только творческие деятели. Практически одновременно с Некрасовым умер итальянский король Виктор-Эммануил, первый монарх объединенной Италии, напыщенный толстяк с завитыми усами. На пышном балдахине, укрывавшем тело усопшего монарха, топорчились его тараканы усы.

Не стало старого интригана, римского папы Пия IX. Папа-иезуит открыто выражал сочувствие туркам, вырезавшим болгар, а своим землякам-итальянцам, мечтавшим освободиться от вековой австрийской оккупации, объяснял, что оккупанты также его «духовные дети», как и прочие католики. А посему, будьте благоразумны, молитесь и терпите! Именно при нем швейцарская гвардия – те самые потешные великанские солдатики в средневековом одеянии и шляпах – впервые расстреляли демонстрацию мирных римлян. Тело умершего папы выставили для прощания, предусмотрительно оградив решеткой – толпа с жадностью обцеловывала ступни церковного иерарха. Предварительно, следуя старой традиции, ватиканские служки трижды ударили по лбу усопшего серебряным молоточком, трижды называли его по имени, чтобы удостовериться в факте смерти.

Папа не откликнулся. *Papa vere mortus est!*

Самой старой женщиной на свете в то время считалась испанка Евлалия Перец, чей возраст исчислялся 140 годами, проживающая в Калифорнии. В 1771 году, когда в ее деревне построили первую церковь, у нее уже был муж и трое детей.

Человечество собиралось полететь. Некий англичанин изобрел новую воздухоплавательную машину, отдаленно напоминающую современный дельтаплан. Она состояла из рамки, прикрепленной к поясу воздухоплателя, шара в виде подушки, наполненного газом, и пары полукрыльев, приводимых в движение пружинами, сделанными из легкой материи. Для управления этим снарядом был приделан руль или хвост из папье-маше. Считалось, что для успешного осу-

ществления проекта летательной машины, необходимо «дать человеческому телу точку опоры в воздухе, чтобы оно поднималось, так сказать, само собою, и мускульная сила сберегалась для управления снарядом и движением вперед».

Людей интересовали не только облака, но и тайны морских морей. Английское адмиралтейство вознамерилось определить глубину Индийского океана, и для этих целей строила на верфи в Индии особый пароход.

Американский физик Дреперт громогласно заявлял, что открыл на солнце кислород методом сравнения фотографий солнечного спектра и накаливаемого кислорода. Негативы показали «совпадение светлых линий кислородного спектра с блестящими линиями на спектре солнца». Дреперт надеялся открыть на солнце и другие тела, присутствие которых до сих пор было неизвестным.

В Германии сравнивали крепость дерева и чугуна и опытным путем доказывали крепость первого, а в Америке отдельные чудаки пытались использовать бумажную прессованную массу для выделки паровозных колес и строительных материалов (прессованная бумага). Только в 1878 году американцы планировали открыть в Вашингтоне национальный университет и музей, а в России, ушедшей далеко вперед в сфере науки и образования, отмечали 125-летие со дня открытия одного из первых морских училищ.

В Москве зимой 1878 года стояли сильные морозы, поэтому во избежание обморожений рекомендовалось... «прикладывать к больному месту жеваный горох»; через полчаса от гороха оставалась одна шелуха, и тогда его заменяли новым.

В моде была аристократическая бледность и активные толки о спиритизме и загробном мире. Действие «Рафаэлевой воды» сулило дамам «сейчас же явить натуральную белизну лица, шеи и рук». Чудодейственный раствор, судя по рекламным объявлениям, всего за 1 руб. 25 коп. был способен избавить всех жаждущих от желтизны, морщин, прыщей, веснушек и загара, который был совсем не в моде. С «Рафаэлевой водой» конкурировало другое средство, также гарантирующее кожу с «белизной и прозрачностью» – вода «Лис де Нинон».

Для православных, протестантов, католиков, грузин, армяно-григориан, евреев-раввинистов, евреев-караимов и магометан поступил в продажу Всеобщий календарь на 1878 год в красной обложке с таблицей часов и 14 портретами главнейших русских деятелей и военачальников русско-турецкой войны с картой театра войны.

Аналогичным образом предприимчивые книготорговцы и издатели распространяли «Иллюстрированную хронику войны».

Художник Айвазовский представил свою персональную выставку, изображающую важнейшие подвиги русского флота, в том числе и во время последней русско-турецкой войны, а в Санкт-Петербурге устроили спектакль в пользу раненых гренадеров, отличившихся при натиске войск Осман-паши под Плевной, собрав более 1300 руб.

А эта новость, набранная петитом, шла в самом конце и как бы между прочим. Война на Балканах, в горах и на неровной местности кровью вносила коррективы в действующее оружие. Армейскую винтовку Бердана со скользящим затвором решили приноворить к стрельбе, впервые при этом используя прорезь на пятке поднятого прицела. Целясь на расстоянии на 500 шагов, опытные стрелки безошибочно попадали в головной убор, на 400 – в верхнюю часть туловища, на 300 – в живот, на 200 – в колена и на 100 – в ноги. Все пули ложились точно в цель. Прицел, примененный 20 сентября в боях под Большими Ягнами и при отражении кавалерийских атак и 6 ноября под Карсом, окончательно убедил русское армейское руководство в пользе и удобстве этого технического приспособления.

Русские войска шли на Константинополь. Они шли вперед, прокладывая дорогу среди заносов, вырубая лестницы во льду, спуская орудия от одного дерева к другому, победив главного врага – природу и считавшиеся непроходимыми в это время года Балканы.

И удивительное совпадение. С 8 января 1878 года солнце вступило в знак Водолея, считающийся у астрологов покровителем России.

* * *

Оставим за кадром все эти знаменательные и не очень события и вновь вернемся на Балканы.

С неба, обитого толстым войлоком облаков, медленно сыпались снежные хлопья. Глубокую тишину утра нарушало прерывистое дыхание всадников и ритмичный, дробный топот копыт по промерзшему грунту. Игнатьев, с сопровождающими его казаками, гнали лошадей верст пять, не останавливаясь, так, что мерзлый пар валил с усталых животных. Миновав мост через дымную морозно-мутную реку Тунджу, они взяли курс на Эски-Загору. Оттуда Игнатьев планировал добраться по железной дороге до Адрианополя, в окрестностях которого собралась вся русская армия.

Через некоторое время казаки перевели лошадей на шаг. От мерного покачивания Игнатьеву, плотно закутанному в башлык, казалось, что даже звенящий в его ушах снег стал вроде бы теплее...

Авторское отступление первое: «Вере, Царю, Отечеству»

Все началось много лет назад с поездки в ненастный февральский день, в метель, через снежные заносы и непроглядь, в самый центр Украины – на Винничину. Здесь, на древней земле Надросья – истоке реки Рось, чье название дало имя союзу славянских племен, а позже целому народу и стране, находится небольшое село Круподеринцы. Вместе с группой российских и болгарских дипломатов и журналистов мы приехали в эту глушь издалека, чтобы поклониться праху выдающегося российского дипломата XIX века графа Николая Игнатъева, человека, в

судьбе которого неразлучно соединена Россия и Болгария. В заиндеветой от мороза крипте храма я стоял в раздумьях у могилы героя своей будущей книги. Надгробие, помимо обычных указаний на год рождения и смерти, по краям венчали две лаконичные надписи: «Пекин 1860» и «Сан-Стефано 1878».

А что было между этими датами? Как складывался его жизненный путь? Для меня эти цифры и стали тем толчком, тем импульсом, который привел к появлению замысла самой книги и авторских отступлений, чтобы прояснить читателю основные вехи яркой биографии Николая Павловича Игнатьева.

Видимо не случайно и символично, что на родовом гербе Игнатьевых был начертан благородный девиз: «Вере, Царю, Отечеству», который переопределил судьбу не одного поколения этого дворянского рода. Именно так служили они Отчизне, видя в этом свой нравственный долг.

Сам герб представлял собой щит, разделенный перпендикулярно на две части. В правой – золотой – виден вылетающий наполовину черный орел в короне, имеющий в лапе державу. В левой половине, на лазоревом фоне, из облаков выходит рука в латах, держащая меч. Держава и рука с мечом во все времена воплощали в геральдике отвагу и готовность защищать свою Родину. В 1877 году к гербу добавилась графская корона и графский коронованный шлем. Таким образом император Александр II отблагодарил своего верного служаку Павла Игнатьева, возведя его со всем нисходящим потомством, к которому принадлежал и мой герой, появившийся на свет холодным январским днем 1832 года, «в графское Российской империи достоинство».

Рождение первенца в семье Игнатьевых совпало с установкой под руководством Огюста Монферрана гигантского камня под пьедестал Александрийского столпа – символа самодержавия и мощи российского государства, служению которому посвятило жизнь не одно поколение Игнатьевых. Пока малыш требовательно попискивает в колыбели в окружении матери и нянек, его отец с удвоенной энергией отдается службе, проводя почти все свое время в полку. Позже его назовут «важнейшим лицом фамилии». Своей блестящей карьерой он во многом был обязан Его Величеству случаю и... восстанию декабристов. Когда Николай I, с бьющимся от волнения сердцем, вышел на подъезд Зимнего дворца, ближайший к Миллионной улице, то первой воинской частью, прибывшей на Дворцовую площадь в распоряжение нового царя, оказалась первая рота Преображенского полка. Казармы ее были рядом – на той же Миллионной. Запыхавшихся от быстрого бега гвардейцев привел молодой и статный капитан Игнатьев. Так ему удалось поймать за хвост капризную Фортуны, богиню удачи. Дальнейшая карьера этого офицера росла как на дрожжах: в конце своей жизни бывший преображенец даже возглавил кабинет министров Российской империи. До этого род Игнатьевых, насчитывающий четырехвековую историю, никогда не был в числе знатных и не подымался выше ранга сокольничьих и стрельцов, а позднее служивых людей Петровской эпохи. В общем-то это была вполне обычная семья, если бы не одно обстоятельство – в их роду было аж трое христианских святых! И главный среди божиих угодников – митрополит Алексей, святитель Московский и всея Руси чудотворец. Тандем митрополита и его ближайшего друга преподобного Сергия Радонежского в духовном и политическом плане подготовил победу Дмитрия Донского в Куликовской битве.

Есть такое поверье, что русские святые молятся за своих наследников. Наверное, их молитвы через века были услышаны. С самого рождения на сына Павла Игнатьева буквально упала манна небесная – крестным отцом ребенка стал будущий император Александр II. В 19 лет Николай Игнатьев блистательно окончил Императорскую военную Академию, получив за отменные успехи большую серебряную медаль – вторую в истории этого учебного заведения. В 26 лет стал самым молодым генералом русской армии, в 28 – генерал-адъютантом свиты государя, в 29 – руководителем Азиатского департамента Министерства иностранных дел, веду-

шего мозгового центра внешнеполитического ведомства, в 32 года был назначен послом Российской империи в Османскую империю. В руках у молодого дипломата оказываются все нити управления российской политикой на Востоке.

Он не раз рисковал, блефовал и шел ва-банк, но неизменно обыгрывал на дипломатическом поле сильнейших противников: китайского богдыхана, британского премьер-министра Дизраэли, турецкого султана Абдул-Азиза и германского «железного» канцлера Бисмарка, а его имя долгое время будет занимать западную печать. В кривом зеркале своих врагов Игнатьева за глаза именовали «отцом лжи», «черной лисой», гоголевским Ноздревым, «Мефистофелем Востока», истолковывая в дурном свете все его поступки. Не всё так просто, как кажется на первый взгляд, читатель: Игнатьев не был банальным авантюристом. Это был политический игрок до мозга костей. Игрок весьма азартный, застрахованный от роли обычного чиновника со штамповальным мыслительным аппаратом, своим недюжинным темпераментом, который в одном из писем к родным, сам назвал «русской сметкой», «которую люди принимают за хитрость и коварство».

А чего стоит только история приключений Игнатьева в Средней Азии и Китае – это Хаггард, Жюль Верн и Майн Рид, вместе взятые!

Пока же отмотаем пленку назад, в март 1858 года. Игнатьева по высочайшему повелению назначают главой дипломатической миссии в Хиву и Бухару с целью упрочить политическое и коммерческое влияние России в этих восточных государствах и, по возможности, остановить ползучую экспансию англичан в Среднюю Азию. Территория, начиная от Оренбурга, последнего русского форпоста, была неизведанной и опасной. Здесь путника ждали бескрайние степи, безводные пустыни, воинственные мусульмане, с недоверием относящиеся к чужакам, и почти повсюду орудовали разбойничьи шайки кочевников, грабившие караваны и занимавшиеся работоторговлей. С иностранными лазутчиками и дипломатами азиатские деспоты не сильно церемонились. Всем была памятна печальная судьба миссии Грибоедова, перерезанной персиянами в Тегеране. Позже два английских агента Стодарт и Конноли были зверски казнены в Бухаре, а двое других Шекспир и Аббот чуть не подверглись такой же участи в Хиве и спаслись только благодаря случаю. По Петербургу поползли зловещие слухи о предстоящей экспедиции. Знакомые прощались с Игнатьевым как будто в последний раз. «Иду даже на полную неудачу с твердою решимостью сделать все человечески возможное, чтобы исполнить волю государя, а об успехе и не думать, предоставив все воле Божией и себя самого, и результаты своей поездки» – так писал путешественник отцу.

Через Аральское море на судах, а затем по степи, пройдя сыпучее песчаное взволнованное море барханов, посольство с трудом прибыло в Хиву. Азиаты встретили их крайне настороженно. Под угрозой смертной казни жителям города было запрещено разговаривать с русскими. Игнатьев в течение десяти дней добивался встречи с ханом. Переговоры были тяжелыми и безрезультатными. Только перед отъездом хан Хивы Сеид Мухаммад, средневековый восточный кровопийца и полный мизерабль⁶, согласился принять посланника, но с категоричным условием – явиться среди ночи одному и безоружным. Игнатьев написал завещание и письмо, приказав адъютанту вскрыть конверт, если не вернется через час. Потом положил в карман два заряженных револьвера и отправился к хану в сопровождении двух казаков, приказав конвою готовиться к отражению возможной атаки.

У входа во дворец корчились в муках несчастные, посаженные на кол для устрашения чужака. Несчастные казненные освещались заревом большого костра. Костры несколько меньших размеров располагались по двору и в заворотах темных коридоров, ведущих на внутренний дворик, где происходила аудиенция. Их пламя освещало путь, бросая красноватый, зловещий оттенок на вооруженных халатников, в высоких туркменских шапках, составлявших

---

⁶ Ничтожество, негодяй. (Примеч. автора.)

дворцовую стражу и размещенную по всему пути шествия. Николай Павлович нашел хана на небольшом дворике, сидящим на возвышении из глины и покрытом коврами. Надобно сказать, что он совсем не идеализировал этих восточных деспотов, с которыми по государевой воле ему пришлось иметь дело, догадываясь об их коварстве и жестокости. Но к этому человеку с высокомерным и равнодушным взглядом, с выпяченными от важности губами, после всего увиденного при входе, Игнатъев испытывал почти физическое отвращение. Перед ханом, на ковре, лежал кинжал и кремневый пистолет, а за ним – как и в первую аудиенцию – находилось государственное знамя и несколько вооруженных людей. На ступеньках сзади и по бокам седалища стояли вооруженные с ног до головы люди. Хан заявил, что условием ввода русских судов в реку Амударью будет признание за Хивой территорий до междуречья Сырдарьи, Эмбы и Мерва. Это означало, что Хива претендует на уже освоенную русскими часть земель по Сырдарье и Эмбе, а также на владения туркменских племен. После того как Игнатъев категорически отказал в подобных претензиях, хивинский правитель посоветовал ему быть сговорчивей, намекнув с приторной восточной улыбкой, что гость полностью находится в его власти.

«У царя много полковников, и пропажа одного не произведет беды. Задержать же меня нельзя» – с этими словами Игнатъев выхватил револьверы и пригрозил убить всякого, кто к нему подойдет. На скуласто-бронзовом, бараньем лице хана, онемевшем от неожиданности, читался животный страх. Пользуясь минутным замешательством охраны, Игнатъев выскочил в коридор, услышав, как за стеной подняли шум казаки из его конвоя, пытаясь пробиться поближе к двери. Вместе они пробежали к выходу, где уже ждали оседланные кони...

Более успешно прошли переговоры в Бухаре. С эмиром Насруллою Игнатъев заключил договор, предусматривавший свободное плавание по реке Амударье русских судов, сокращение в два раза таможенных пошлин на ввозимые товары, учреждение в Бухаре торгового агентства. Эмир хотел, чтобы Игнатъев непременно выехал на слоне из Бухары – его подарке «белому царю». На обратном пути Игнатъев подружился с животным, подкармливая его сухарями и сахаром почти при каждой встрече. Завидя начальника экспедиции, слон приветствовал его трубным звуком, походившим на сигнальный выпуск пара из трубы речного парохода, и поклоном. Свита, путешествующая на лошадях и ишаках, разлеталась в разные стороны от его оглушительного рева.

Переезд из Оренбурга через Симбирск и Москву, несмотря на наступившие сильные морозы, Игнатъев совершил на почтовых, а оттуда по железной дороге прибыл в столицу. Так кончилось его тяжелое семимесячное путешествие в Азию. В Петербурге, куда вести об экспедиции не доходили, всех ее участников давно считали погибшими и даже заказывали в церквях поминальные молитвы. Когда Игнатъев, вернувшийся домой, зашел без доклада в кабинет отца и застал его тогда за чашечкой чая, то богобоязненный Павел Николаевич был так поражен его появлением, что первоначально испугался и принялся креститься, приговаривая: «Чур меня! Чур меня!»

Затем последовала еще более сложная миссия в Китай, больше напоминавшая политический детектив на фоне так называемой «опиумной войны». Поясним читателю. Еще в 1858 году графом Муравьевым был заключен Айгунский договор, по которому левый берег Амура отходил к России, а земли в Приморском крае объявлялись в общем владении России и Китая до определения границы. Главной задачей было добиться ратификации договоров, так как китайское правительство отказывалось признать Айгунский договор и затягивало ратификации следующего – Тяньцзиньского договора, в котором речь шла как раз о разграничении границы.

Неофициально Игнатъев должен был добиться, чтобы другие державы не смогли добиться от Китая исключительных прав и уступок в территориальном вопросе. Выехал Игнатъев совершенно простуженным и в сопровождении врача, так как во время перехода через Байкал он провалился в полынью. Тем не менее посланник гнал на санях по весенней распутице с сумасшедшей для того времени скоростью – до 300 верст в сутки и уже в ночь на 4

апреля был в городке Кяхте на границе с Монголией. Через месяц Игнатъев въехал в Пекин, соблюдая все мудреные китайские «чайные церемонии», как большой вельможа, в роскошном паланкине. Через некоторое время и в Пекине, и за его пределами его станут уважительно называть И-Даженъ, что значит «сановник И».

На первой же встрече китайские представители категорически отвергли все российские предложения. Высокомерные императорские сановники заявили, что подписавшие Айгунский договор сановники, сделали это самовольно и уже наказаны императором. И тут Игнатъеву сказочно пофартило – разразилась война между Китаем и Англией, и Францией. «Просвещенные» европейцы, зарабатывавшие немалые барыши на торговле наркотиками, стремились добиться свободного ввоза в Китай опиума из Индии, а британские промышленники и купцы мечтали открыть для своих товаров новый обширный рынок. 20-тысячный экспедиционный корпус союзников двинулся на Пекин. Изрядно блефуя, Игнатъев, убедил войска союзников отступить от стен осажденного города, а князю Гун Цин Ван, который в отсутствие императора вел все дела, обещал выгодные условия капитуляции. Взамен Игнатъев настоял на ратификации прежних договоров, заключенных Китаем с Россией, и умудрившись настоять, чтобы земли в Приморском крае, находившиеся прежде «в совместном владении», полностью отошли к России.

Торжественная церемония подписания договора состоялась в Русском подворье 2 ноября 1860 года в половине четвертого пополудни или в Сянь-Фынь X года 9-й луны по китайскому календарю. Князь Гун уступил Игнатъеву право первым поставить свою подпись. Кто бы что ни говорил, но великой морской державой де-факто Россия стала в этот день: за ней были закреплены права единоличного владения территориями, расположенными между нижним течением Амура и Кореей, включая береговую линию и удобные для строительства портов гавани, где впоследствии выросли порты Владивосток, Ванино, Находка, Восточный, Посыет и другие. Русский военный Андреевский флаг теперь развевался от Балтики до Тихого океана.

Без единой капли русской крови Россия приросла на целых 400 000 квадратных километров богатых дальневосточных территорий.

10 ноября Игнатъев покинул Пекин. Сани скользили легко по первопутку; уныло гремели бубенчики, и однообразное бречание их далеко разносилось среди снеговой пустыни. В душе Игнатъева звучала другая музыка! Музыка, которая слышна только победителям. К тому времени договор уже был подписан богдыханом, опубликован в китайских газетах и разослан по всей стране с приказанием неукоснительного исполнения. Обратную дорогу Игнатъев проделал с удивительной для своего времени скоростью, преодолев 1000 верст в трое суток и три часа, загнав вусмерть не одну тройку почтовых лошадей. Наконец 1 января 1861 года перед ним открылась перспектива шпилей Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Санкт-Петербург, родной город, родительский дом! Мать хотела его обнять, но Николай не позволил, пока не снял завшивленную шинель, которую пришлось немедленно сжечь. Молодому барину спешно приготовили горячую ванну. На следующее утро его лично принял государь. Вручая Игнатъеву в Петербурге орден Св. Владимира второй степени, расчувствовавшийся император Александр произнес: «Девиз ордена как бы для тебя сочинен: польза, честь и слава».

Экспедиции в Азию и Китай создали Игнатъеву славу удачливого переговорщика. Он получил генеральский чин, ордена и как знаток Азии был назначен директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Однако в ведомстве, насквозь проникнутом бюрократическим духом, Игнатъев с его кипучей молодой энергией долго усидеть не мог. Из здания на Дворцовой набережной молодой дипломат вскоре перебрался в качестве посла на улицу Пера в Стамбуле.

Тогда этот город еще называли его старым византийским именем – Константинополь.

Авторское отступление второе: «Наш человек в Стамбуле»

Шел 1864 год. Летнее яркое солнце освещало открывшуюся перед Игнатъевым панораму Золотого Рога. Пароход Русского общества медленно продвигался к гавани. Морской бриз, аромат свежих кунжутных бубликов-симита, пряный запах цветов, казалось, заполняли все пространство вокруг. С одной стороны, Европа – залитый огнями Золотой Рог, купола византийского собора Святой Софии, минареты, полуразвалившиеся, но некогда непреступные зубчатые стены Константинополя.

С другой – шумный азиатский Стамбул, утопающие во фруктовых садах прибрежные дворцы и минареты и тающие в утреннем тумане сказочные Принцессы острова. Прибавьте к этому заунывные крики мулл, стаи бездомных кошек и собак, восточная грязь узких улочек, снующие повсюду на воде лодки рыбаков, многоголосие толпы – и увидите Стамбул того времени глазами Игнатъева.

В Турцию русский посланник приехал не один, а в сопровождении очаровательной супруги – Екатерины Леонидовны, урожденной княжны Голицыной, правнучки полководца Кутузова. Автор этих строк впервые увидел ее портрет в типовом панельном доме ее правнучки в Киеве. Длинные ресницы, живые карие глаза, тонкие брови вразлет, лебединая шея, переходящая в безупречно плавную линию плеч. Некогда первая красавица Петербурга, умная, волевая и образованная, говорившая на пяти языках. Говорили, что она имела забавную при-

вычку разгрызать зубами грецкие орехи. Игнатьев был счастлив с ней в браке, найдя в ее лице идеальную женщину, которая сделала его жизнь гармоничной, став верной и преданной союзницей на долгие годы.

«Жинка моя» – поллушутливо, на малороссийский лад, дипломат величал свою Катеньку. Николаю Павловичу, склонному к веселой искрящейся шутке, нравилось иногда расцветивать свою речь смачными украинскими словечками. А когда профессиональный или политический барометр предвещал бурю, то «жинка» в устах посла превращалась в «дружину». Так на Украине именуют замужнюю женщину. Получалось складно: не просто жена, а сказочная дружина, на которую можно положиться, с которой и в бой не страшно. Как говорится, один в поле не воин, а с такой «дружиной», как Катенька, можно было крепко стоять на Босфоре. «Жинка» отвечала ему взаимностью и писала ему почти каждый день в пору разлуки с невероятной теплотой и нежностью: «Скучно расставаться, когда вместе так хорошо...»

Тут мы сделаем небольшое лирическое отступление. В жизни Игнатьева в свое время была другая женщина. Назовем ее «Л.Ш». Именно так деликатный поклонник зашифровал в письмах свою возлюбленную. Чувства к ней были слишком сильны. Каждый раз, когда Игнатьев видел ее перед собой, его захлестывало чем-то горячим, пронизывающим сердце. Голова шла кругом. На прогулке в Летнем саду прохожие часто могли наблюдать эту красивую пару – статный и щеголеватый офицер и его дама, нарядно одетая и очень недурная собою. Военный осторожно поддерживал ее за хрупкую руку. Спутница стеснялась своей чуть сутулой фигуры, крупного родимого пятна на щеке. И это смущение, вполне невинное, и отсутствие ложной позы, тоже нравилось Игнатьеву. В ней, как казалось ему, было все, что составляет главную прелесть любящей женщины. Увы, но финал отношений был болезненным для Игнатьева. «Л.Ш» сказала, что воле родительской не прекословит, а разрешение на брак ей не дадут.

Надежды таяли как дым. Впервые в жизни бравый офицер не на шутку захандрил. Как-то расхаживая по своей комнате и разговаривая сам с собой, Игнатьев, не выдержав, сел за стол и стал лихорадочно царапать пером по бумаге, чтобы выразить переполнявшие его чувства. Написал – и поразился: ведь получились! «Бредни мои» – по-другому быть и не могло. А ведь раньше ему казалось, что писать подобные стихи не менее стыдно, чем надеть галстук или, скажем, партикулярное платье:

Да, я люблю, но мать одна лишь может
Свое дитя так искренне любить.
Ни ревность, ни печаль мне душу не тревожит
И без взаимности могу я счастлив быть.
Зачем она, ведь кто препоручится,
Что страсть моя так скоро не пройдет?
Что если вдруг она нечаянно умчится?
А мне раскаяние на душу зайдет.

Нет, не в холодном рассудке, помимо воли Игнатьева пробились эти строки. В его голове, в ритме шагов из угла в угол, теснились все новые и новые строки, пробивая изнурительную немоту гортани. Все, что он хотел сказать своей возлюбленной, но не смог выразить словами: «бывает минуты груди тяжело», «как люблю я ее... в ней все счастье мое», «когда твой голос серебристый коснулся слуха моего», «уныние давит сильней и сильней». Удивительное и незнакомое ощущение – одновременно сладостное и горькое. «Да ну, какой я поэт, – отмахнулся Николай Павлович от своих собственных мыслей. Но спрятаться от них было решительно невозможно. В тот же вечер им было отправлено самое последнее письмо «Л.Ш» с прощальным стихотворением. Потом... потом была горячая скачка через лес, не разбирая дороги, навстречу упругому вечернему воздуху. Ветки больно хлестали по лицу, по которому катились

слезы. Игнатьев непроизвольно отпустил и повод, и шенкеля. На крутом повороте лопнула подпруга, и всадник вместе с седлом упал с лошади оземь. Со временем образ «Л.Ш.» в его памяти стерся и как-то потускнел, превратившись почти в сон. Остались только ее серебристый голос и приятно щемящая боль в сердце...

С княжной Екатериной Голицыной Игнатьев познакомился ровно через год, начав посещать гостеприимный княжеский дом. Катя Голицына всегда была в окружении многочисленных поклонников, улыбчива, мила, насмешлива и казалось, вовсе не обращает на бравого генерала никакого внимания. «Я еще молодая, у меня еще тысяча планов, и из тысячи шансов я не упущу ни одного», – кокетничая, говорила кавалерам юная княжна. Ей хотелось веселиться, ей нравились балы. В общем, эдакая пигалица! Игнатьева, наоборот, светская жизнь тяготила. Да и танцевал он последний раз лет десять назад, еще в чине поручика. И то это был вполне приличный котильон – вид кадрили, а не какая-нибудь там разухабистая мазурка! «У нас с вами до ужаса много общего, если не считать того, что мы полная противоположность друг другу. Начиная от внешности, заканчивая темпераментом!» – хихикала Катенька, подражая его. – «И при этом, сударыня, я вас просто обожаю», – отшучивался в ответ Игнатьев, а на душе скреблись кошки. – «Да-да, – переходила во встречную словесную атаку девушка. – Мужчины меня обожают, кружа вокруг меня, как мотыльки. Однако я люблю умных мужчин, но попадаются больше глупые. Почему-то они меня обожают». И снова неистово хохотала, запрокидывая беленькое личико.

Неожиданно все изменил случай. Как-то зайдя в комнату и застав ее совсем одну, без кавалеров, сидящую в кресле за чтением бульварного романа, новоиспеченный дипломат смутился и решил откланяться:

– Простите, сударыня. Быть может, вы не желали, чтобы я навестил вас сегодня. Впрочем, если вас смущает мое присутствие, я тотчас готов покинуть вас.

Она посмотрела на него снизу-вверх, как дети смотрят на взрослых, тихими серьезными глазами, – такими Игнатьев еще никогда их не видел! – и, откинув с лица тяжелую прядь темно-каштановых волос, вдруг сказала: «Да не будьте же вы таким скованным, я не убью вас за это!»

В груди Игнатьева после этой фразы что-то оборвалось...

А дальше – дальше ничего не происходило. Шли дни и месяцы. Игнатьев робел от ее обхождения и, несмотря на благорасположение будущей тещи, не решался объясниться, откладывая решительный разговор. Удивительное дело – столько раз в своей жизни он был на волосок от смерти и не терялся в самых сложных обстоятельствах, а тут словно впал в ступор, боясь услышать повторный отказ.

– Смотри, уведут у тебя невесту, будешь потом локти грызть! – как-то за обедом не выдержала мать. В ее остром проницательном взгляде светилась энергия Мальцевых – заводчиков, коммерсантов, знаменитых предпринимателей: – Уводи ее сам, будь, мой милый, проворнее в делах сердечных. Мой батюшка Иван Акимович не сплеховал, и у Василия Львовича Пушкина увел твою бабушку. Первостатейная красавица была!⁷ Игнатьев умоляюще взглянул на мать, на щеках зардел румянец. Мать не подала виду, отменяя в сторону деликатность темы, и веско заключила родительский совет: «Действуй же, Николенька, счастье в твоих собственных руках!»

Вскоре Игнатьев, бледнея и смущаясь, попросил руки Катеньки Голицыной. В ответ, вопреки всем страхам, прозвучало желанное «да». Пара венчалась в русской церкви немецкого города Висбаден. Екатерина Игнатьева стала матерью восьмерых их детей (первый умер

---

⁷ Согласно семейной легенде, живя в Москве, Иван Акимович однажды встретил в Юсуповском саду, в Большом Харитоньевском переулке, женщину изумительной красоты, которая вела за руку мальчика лет шести, кудрявого и смуглого, как арапчонок. Красавицу звали Капитолиной Михайловной. Она была из старинного дворянского рода Вышеславцевых, замужем за Василием Львовичем Пушкиным – модным поэтом того времени. А гуляла она по саду с его племянником Сашей Пушкиным. (Примеч. автора.)

в младенчестве), но она никогда не ограничивала свои интересы семейным кругом или светскими успехами. Ее жизнь стала неотделимой частью дела ее мужа. Двери русского посольства в Константинополе были всегда широко открыты. Здесь находили помощь и убежище похищенные девушки, дети-сироты и болгарские повстанцы, которые, снабженные русскими паспортами, отправлялись в Одессу, открылся госпиталь для больных. Во всем этом послу помогала его супруга. Набело, своим тонким изящным почерком, она терпеливо переписывала многие донесения Игнатъева, по форме букв больше напоминавшие острые пики Альп или очертания Кавказского хребта. Кроме того, жена посла щедро занималась благотворительностью – почти все прошения о денежной помощи от женщин, как правило, подавались на ее имя. Вечно деятельная и неутомимая, Катенька Игнатъева и на посольских приемах царица как законодательница тона и вкуса, блистая природной красотой и ювелирными украшениями. После одного из таких светских раутов во дворце персидского посланника в Царьграде Мирзы-Мошин-хана один французский поэт напишет о ней в своей оде: «О царице бала один турок сказал совсем тихо то, о чем думал каждый, но не смел признаться вслух: «Эта женщина может покорить Стамбул одним только словом, одной улыбкой – всю Азию».

Здесь же, в Стамбуле, совершился переворот в душе Игнатъева. Наш дипломат влюбился в идею освобождения славян. Влюбился, как может влюбиться только обладатель художественной природы и подлинный романтик. Со временем эта деятельность стала для него неким подобием нравственного обязательства. Подрастающие сыновья нередко наблюдали, как их отец после дневной службы в посольстве прогуливается по двору среди азалий, заложив руки за спину, выслушивая бородатых и усатых посетителей – священников, купцов, матросов, лавочников, крестьян. С наступлением темноты к нему пробирались проходимцы и шпионы всех мастей. В Константинополе, где каждый человек его уровня был на счету, русского посла называли «вице-султаном», а враги – «королем лжи». Многие турецкие министры его боялись и были в его руках, так как Игнатъев был в курсе всех дел стамбульского двора, включая интимные секреты одалисок из султанского сераля.

Все бы хорошо, только на родине Игнатъева к его активности относились со сдержанной прохладой. Востоком, как тогда называли Балканы и Малую Азию, канцлер Горчаков интересовался мало. Практические указания из министерства поступали крайне редко, поэтому в своих действиях Игнатъев был полным хозяином. «Я предоставлен сам себе и никакой поддержки из Петербурга не имею» – это его собственное признание. Вот так – не больше, не меньше. Другой бы человек в такой ситуации просто бы «отбывал свой номер» за изрядное посольское жалованье. Так, собственно, и поступали другие российские дипломаты, проводя время в светских раутах и пустопорожней болтовне, ожидая пока их не отзовут в Петербург или назначат на аналогичную должность в другой стране. Инициативы и предложения Игнатъева вызывали раздражение у начальства, ломали рутинный порядок, заведенный в здании у Певческого моста. Там привыкли неспешно делать карьеру, пересаживаясь со стула на стул, от стола к столу, оттачивали каллиграфические навыки, умели остроумно болтать по-французски и при случае завязать небольшую политическую интригу. Да и кому, скажите, хочется сильно работать и напрягаться? Тем более ради чего! Подумаешь, Болгария какая-то или Турция. Восток. Короче, Азия дремотная. Это же не Ницца, не Баден-Баден! А с таким как Игнатъев хлопот не оберешься. В Петербурге, где рутина, умеренность и аккуратность в письме заменяли ум и знание, себе на беду и России на пагубу, константинопольский посланник был бельмом на глазу.

Должно быть, очень уж у наболело на душе у Николая Павловича от такого отношения, раз у него вырвались такие строки в письме к отцу: «В тесных рамках сидеть и бояться ежеминутно ответственности – значит пропустить все случаи быть полезным... Инструкций мне не нужно, но их никогда и не дождешься при существующем порядке. Путного и своевременного ответа не дождешься от Министерства иностранных дел. Стало быть, всегда под ответ-

ственность подвести могут, и чтобы ее избежать, надо лежать на боку, всем кланяться и даром русский народный хлеб есть. Но на это я не способен... Пока я представитель России, сидеть сложа руки не буду».

До чего же свежи, злободневны эти слова! Как будто произнесены только вчера, а не полторы сотни лет назад.

Главной своей задачей Игнатъев считал утверждение влияния и престижа России на Востоке, поколебленного поражением в Крымской войне. Нужно было во что бы то ни стало добиться отмены позорного пункта, запрещавшего России держать военно-морской флот на Черном море. Сам флот предстояло фактически создать заново. Ну и наконец, для ограждения России на Балканах буфером из дружественных государств, ей были нужны надежные союзники. Такими естественными союзниками, по мысли Игнатъева, должны были стать славяне. «Союз славян с нами – вся наша европейская будущность. Иначе мы задавлены и разорены будем», – говорил Николай Павлович своим подчиненным, искренне веря, что Россия в исторической перспективе должна способствовать освобождению угнетенных славянских народов. По-иному русский посол относился к европейцам, столкнувшись на практике с их бесконечными кознями и интригами. «Всякий раз, когда нам приходилось отстаивать правое дело, если в нем были прямо или косвенно замешаны интересы России на Востоке, мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы», – однажды горько посетовал Игнатъев. – Из Петербурга твердят, что для нас губительно всякое вмешательство, даже нас не касающееся... Веры нет в свое отечество. Губят совершенно значение России на Востоке, и мне приходится быть ответственным перед потомством за наше будущее здесь унижение. Горько!» Числясь по Министерству иностранных дел, Игнатъев по факту сознательно работал в другом министерстве. Своем министерстве русских дел.

Подведем итог, читатель. Перед вами два русских человека, два блестящих дипломата – Игнатъев и Горчаков. Оба по-своему любили Россию. Канцлер, чьим излюбленным выражением была фраза «спокойно выжидать», всячески стремился избегать ситуаций, которые могли втянуть Россию в военные конфликты. Со временем «спокойно выжидать» выродилось в старческое «кабы чего не вышло». Игнатъев – человек дела, действия, прежде всего. Для него не было неразрешимых задач, терзавших осторожную душу Горчакова. Противоречие характеров Игнатъев и Горчакова – еще один контраст, наложивший отпечаток на их отношения. Два глубоко и принципиально отличных восприятия действительности. Два противоположных психических склада. На поверку выходило совсем по-пушкински: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень.

В этом и состояла, собственно, разница между двумя незаурядными политиками.

И в этом коренилась главная опасность для карьеры Игнатъева.

* * *

Было уже далеко за полночь. Две огромные подушки лежали рядом на взбитой постели, прикрытой от мошек и комарья марлевой накидкой. Николай Павлович бесшумно проскользнул в спальню, предусмотрительно задув ночник. Когда глаза притерпелись к темноте, увидел, что Катенька не спит, – большие глаза-угольки выразительно смотрели на него:

– Опять что-нибудь стряслось? – сказала Катя, и ее глуховатый голос прозвучал в тишине преувеличенно спокойно. – Еще кого-то выручал и выслушивал? Или опять твои шпионы и соглядатаи? Твои фокусы когда-нибудь закончатся? Дети так ждали тебя...

– Прости меня, Катенька, – его губы дрогнули. – Понимаю, ты беспокоилась. Служба. Я очень хочу спать. Очень.

Игнатъев откинулся на подушку, и Катенька легко склонилась над ним.

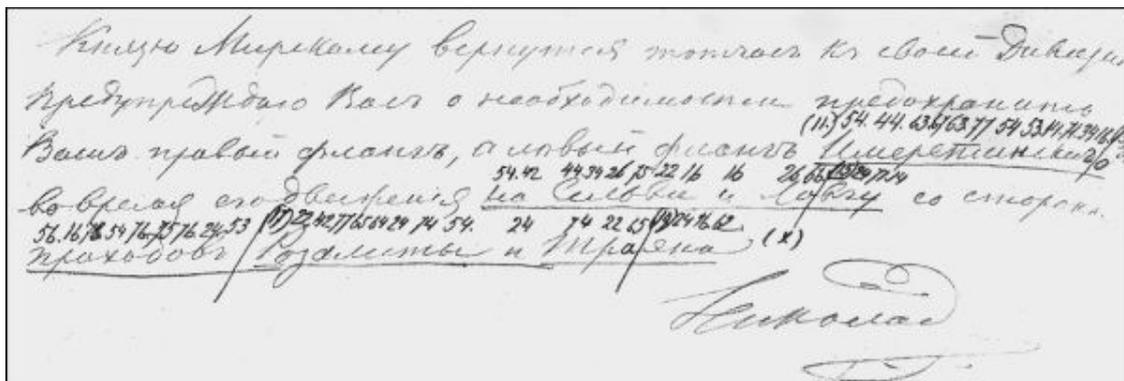
– Я верю в свою звезду и потому, когда свыше будет предопределено, я понадоблюсь и принесу посильную пользу России, – сквозь сон бормотал Игнатьев. – Нам рано или поздно не миновать....

– Милый ты мой, несуразный, – прошептала она и прижалась крепко губами к лицу своего супруга. – Я тоже верю в тебя...

И вот, спустя столько лет, какие-то звезды сошлись на его небосводе – началась война за освобождение Болгарии.

Поэтому Игнатьев так торопился в Адрианополь. Это была его личная политическая схватка за несбыточную мечту.

Карандаши и шифр

Несмотря на свою внешнюю хрупкость, грифель карандаша чудовищно тверд: перед тем как поломаться, средний заостренный кончик карандаша может противостоять давлению 255 атмосфер, или 264 кг на см.

Дмитрий Скалон, адъютант главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича, мучился уже полчаса в попытке зашифровать срочную телеграмму. Пытаясь провести энергичную линию, отделяющую буквы от цифр, штабист слишком сильно надавил сверху указательным пальцем на стержень, сломав при нажатии остро отточенную головку карандаша, по форме напоминавшую четырехгранную египетскую пирамиду. Из-за этой очередной и столь досадной поломки грифеля, Скалон был вынужден прервать важную и, главное, срочную работу. В раздражении отбросив поломанный карандаш на стол, офицер громко позвал денщика:

– Патрин, черт бы тебя побрал! Живо ко мне!

Дверь отворилась, и оттуда показалось лукавое лицо казачка с заспанными глазами: «Все-то вам не спится, вашблагородие?»

– Молчать! – рявкнул Скалон, с силой метнув карандаш в казачка, который, проявив неожиданную для его сонного вида прыть, успел увернуться от неизбежного столкновения с летящим в его лицо предметом.

– Смирн-ааа! Во фронт! Смирно, говорю тебе!

Казачок встал в «струнку», вытянув руки по швам, всем своим видом выражая готовность беспрекословно выполнить любой, даже абсурдный, приказ. Например, немедля достать с неба луну. Его расширившиеся глаза с некоторой долей опаски смотрели на осерчавшего барина.

– Канцелярский нож, наждачную бумагу и новые карандаши. Сей же секунд, паршивец ты этакий! Понял меня? Бббе-еггом-арш!

Скалон был в душе педантом в хорошем смысле этого слова и любил порядок во всем. Сказывалось и его лютеранское воспитание, и годы учебы, проведенные в скромном коричневом двухэтажном домике на Английской набережной – Академии Генерального штаба, храма военной науки, стены которого пропахли традициями времен Жомини. Страсть к красивой отделке чертежей и схем, каллиграфическому почерку была отличительной чертой выпускников этого элитного учебного заведения. «Фазаны» или «моменты», как в армейской среде полупрезрительно называли офицеров генерального штаба, по секрету, в виде особого одолжения, передавали друг другу по-китайски изощренные способы точить карандаш. Точили не только ножом и напильником, но даже стеклянной бумагой и бархатом!

Для шифровальной работы, по мнению Скалона, лучше всего подходили карандаши баварской фирмы «А. В. Фабер», особенно самые твердые – «А. В. Фабер» (ННННН). И хотя

в России производство карандашей наладили еще в середине XIX века, качество продукции нескольких фабрик Никитина и Карнаца в Москве, Риге и Вильно уступало эталонным образцам – карандашам баварской фирмы «А. В. Фабер»: они были не настолько равномерно тверды и немного хрупче «баварцев». Да и по объему выпуска все русское производство не годилось в подметки фабрике Фабера, где пять тысяч рабочих изготовляли в год до четверти миллиарда карандашей. Все карандашные фабрики России давали продукции на 100 тыс. рублей в год, что было в 40 раз меньше объема продаж фирмы Фабера. Собравшись на войну, Скалон запасся целым ящиком любимых карандашей, которых было не только трудно заострить ножиком, но и еще приходилось прибегать к подпилкам при помощи напильника и специальной наждачной бумаги.

Дмитрий Анатольевич точил любимые карандаши сам, не доверяя этого важного дела денщику: «Деревня лапотная, не ценит и не понимает настоящую красоту! Нельзя ему доверять столь деликатного дела».

Канцелярский нож, бумага и карандаши наконец-то были принесены, и Скалон принялся за работу, мурлыча себе под нос песенку Глинки из цикла «Прощание с Петербургом», посвященную его отцу: «О, дева чудная моя! Твоей любовью счастлив я. Припав челом к моей груди...» Ножик казался ему нежным смычком виолончели, а острый ритм испанского болеро, который Дмитрий Анатольевич акцентировал, цокая языком и, время от времени, похлопывая себя по коленям, напомнил ему сладостную атмосферу дружеского кружка офицеров лейб-гвардейского Егерского полка и цесаревича Александра Александровича, музицировавших по четвергам в Зимнем дворце. Оркестр был исключительно медный с прибавлением одного струнного инструмента – контрабаса (ротмистр Дмитрий Антонович Скалон) и турецкой музыки.

«Но нет! Ты не изменишь мне! Но нет! Ты не изменишь мне!» – пропев заключительные слова романса, Скалон с удовлетворением взглянул на заточенный конус грифеля. Выглядело почти идеально. Или почти идеально, но не совсем. Достав наждачную бумагу, офицер стал полировать грифель, чтобы довести его грани до эстетического совершенства...

«Не зря говорят, что история повторяется, причем через столетия», – подумалось Скалону. Далеким предок-крестоносец, согласно фамильной легенде, первым пробился на крепостную стену арабской крепости Аскалон. Граф Готфрид Бульонский пожаловал его золотыми шпорами и дворянским титулом, повелев именоваться впредь д'Аскалоном. Геральдическими знаками герба нового дворянского рода стали лилии и мечи – символы душевной чистоты и воинской доблести. Теперь его далекий потомок принимает участие в новом крестовом походе против «неверных», в штабе войск, нацеленных на взятие столицы крупнейшей исламской империи – Константинополя. Золотой мечты русских правителей столетия, стремившихся повторить подвиг Вещего Олега, прибывшего некогда свой щит к воротам покоренного Царьграда. «И мой фамильный щит будет там!» – решил про себя Скалон и вновь с удвоенной энергией сел за бумаги. Через полчаса текст телеграммы генералу Радецкому был готов. Вот что мог разобрать непосвященный читатель. Настоящая абракадабра: «(П) 54.44.63.67.63.775453.14.71.3416.43) 66, 44.42_44.3426752216_16_266b (15) 247114...».

Владевший ключом шифровальщик генерала Радецкого, чьи войска охраняли Шипкинский перевал, почти моментально перевел этот бессвязный набор цифр и букв в текст следующего содержания: «Князю Мирскому вернуться тотчас к своей дивизии. Предупреждаю Вас о необходимости предохранить Ваш правый фланг, а левый фланг Имеретинского во время его движения на Сильви и Ловчу со стороны проходов Розамиты и Траяна. Николай».

Шифр, которым пользовался Скалон, назывался «Русский ключ № 361». Этот ключ содержал так называемые биграммные сочетания из 28 букв упрощенного русского алфавита,

знаков препинания и 31 отдельной русской буквы и знака⁸. Всего, таким образом, в его словаре было 992 величины, которым соответствовали трехзначные кодовые обозначения. В начале ключ этот был разослан в русские консульства на Востоке, а с начала русско-турецкой войны этот шифр отослали в действующую армию. Этим ключом, насколько знал Скалон, пользовался и граф Игнатьев, специальный посланник императора, уполномоченный на ведение переговоров с турками, чье прибытие со дня на день с нетерпением ожидали в штаб-квартире главнокомандующего. Телеграмму о его скором приезде адъютант командующего расшифровал накануне. Граф Игнатьев был уполномочен царем на ведение мирных переговоров, чтобы положить конец войне, длившейся уже более года, конец страданиям и жестокостям, творившимся на Балканах.

Дмитрий Анатольевич был не в курсе, что у Игнатьева была и другая, автономная от военных криптографов, линия связи. Выезжая из Петербурга, Игнатьев условился с царем о связи через французский биклавный шифр № 348, составленный по системе барона Дризена. Экземпляры этого ключа были у строго ограниченного круга лиц: самого царя, министра иностранных дел князя Горчакова, в Императорской главной квартире, Походной канцелярии, Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а в действующей армии только у генерала Игнатьева...

Он также не знал и не мог знать, что бумаги посланника, верительные грамоты, и шифр оказались на дне пропасти вместе с личными вещами Игнатьева. Это сильно осложнит будущий переговорный процесс с турками, так как зашифрованные дипломатические телеграммы Игнатьев будет вынужден отправлять по слабозащищенной военной линии связи, а его оппоненты воспользуются отсутствием верительных грамот, чтобы в самый последний момент дезавуировать договоренности...

Все это еще впереди.

---

⁸ Словарь биграммного шифра составляют двузначные буквенные сочетания (язык французский), кодовыми обозначениями являются двух-, трех- или четырехзначные числа, «взятые по два раза каждое для переменной передачи буквенных биграмм то одним, то другим числом». Внешне биграммный шифр представлял собой наборно-разборную таблицу, наклеенную на коленкор, при которой имелось обязательное наставление для пользования шифром. Буквенные сочетания словаря такого шифра могли быть русскими или французскими, могли быть и двойные русско-французские словари. Переписка с помощью биграммного шифра, изобретенного П. Л. Шиллингом, велась на французском языке, и шифровались при этом биграммы (двойные сочетания букв и знаков препинания) французского алфавита. Тип шифра – простая замена, в основном на 992 знака ($992=32 \times 31$) с «пустышками» // Соболева Т. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Не идти вперед нельзя, идти невозможно

6 января рано утром из Петербурга пришла зашифрованная телеграмма.

Ее текст Скалон разобрал, пока великий князь был в постели. Смысл телеграммы был прост: англичане боятся дальнейшего продвижения русских войск вглубь Турции. Под вечер поступило донесение от Скобелева о занятии им еще двух турецких городов Германлы и Трново-Сейменли и что на переговоры в ставку едут турецкие уполномоченные.

Турки выехали еще две недели назад из Константинополя, с большим обозом и личным поваром, беспечно продвигаясь по стране, рассчитывая, что русские войска еще далеко – где-то там, за Малыми Балканами. Только в Адрианополе до них дошло известие о генеральном сражении в долине роз и полном разгроме турецкой армии. Сервер-паша и Намык-паша были ошеломлены: стоит ли ехать им дальше или вернуться назад?

Уже на пути из Эдирне к Эски-Загоре турецким посланникам пришлось столкнуться со зрелищем не для слабонервных. На заснеженной дороге валялись поломанные коляски-каруцы, а возле них были разбросаны веретена, драные одеяла, подушки, тряпье; изнеможенные и брошенные волю лежали без корма; некоторые из них, которые еще могли кое-как передвигаться, глотали валяющиеся в грязи метелки из жесткой травы, оставшиеся от домашних веников. Но самое ужасное было видеть трупы стариков, старух и больных детей, брошенных еще живыми. Многие старики, что особенно поразило Сервера, лежали с открытыми глазами, в последней надежде вцепившись в томик Корана. Старые турчанки с распущенными, выкрашенными хной в ярко-рыжий цвет волосами и пестрых юбках, скорченные в разных позах, застывали там, где их неожиданно настигла смерть. Все эти тела покоились в грязном снегу, а трупы детей и вовсе с ней смешались.

Среди этих ужасов Сервер-паша заметил одну сидевшую турчанку, закутанную в одеяло. Она казалась еще живой среди этого людского кладбища. Паша слез с коляски и, затыкая нос шелковым платком от тлетворного запаха гниения, подошел к ней. И только тут понял, что на ее руках лежал умирающий ребенок. Сервер наклонился к ней, чтобы помочь, но тут же отшатнулся, как будто его ужалила ядовитая змея. «Да пошлет Аллах своих грозных ангелов на головы тех, кто вызвал эту войну! Да будешь ты проклят!» – из последних сил произнесла женщина, плюнув ему в лицо. Услышав эти слова, впечатлительный Намык-паша испуганно вжался вглубь коляски. Дальше по ночам путь пашам освещало зарево бесконечных пожаров – башибузуки жгли села и деревни, чтобы оставить перед русскими выжженную пустыню. В шестидесяти верстах от Адрианополя им встретились уже не беженцы, а солдаты, устало бредущие, изможденные, в крови и копоти. «Москов» близко, Ак-паша где-то тут в окрестностях», – только и могли сообщить посланникам аскеры. Через час, не доезжая до Германлы, турки наткнулись на первые аванпосты русских. Это был отряд знаменитого генерала Скобелева. Сам генерал устроил послам встречу с помпой, самовольно решив их задержать на несколько часов, чтобы показать им, с какими силами и каким настроением войска идут вперед.

«Пусть турки видят русских орлов-победителей во всей красе!» – распорядился Михаил Дмитриевич адъютанту. Солдаты и офицеры, выстроенные в шеренги, потрясали оружием и громко кричали «ура», когда вдоль строя проходили смущенные турки, а Скобелев еще и умудрился прогарцевать на белом коне, по-молодецки отсалютовав шашкой. От увиденного послы загрузили не на шутку. Для сопровождения пашей в Казанлык, где находилась ставка главнокомандующего, Скобелев отрядил лучшую уральскую сотню Кириллова, но паши не показывались из кареты, пребывая в мертвом молчании. Только во время ночлегов турецкие дипломаты выходили на улицу и, безмолвным кивком ответив на приветствие охраны, до утра прятались по отведенным домам.

События тем временем разворачивались стремительно. Разгромив к югу от Шипкинского перевала турецкую армию Вессель-паши и взяв в плен 36 тысяч человек, русские силы под предводительством Скобелева взяли направление на Пловдив и Адрианополь. Вследствие этих маневров, Сулейман-паша со своей 50-тысячной армией оказался отрезанным от основного театра войны. После нового поражения армии Сулеймана русские войска стояли у ворот Адрианополя. Телеграфисты стучали у своих аппаратов, не разгибая спины, передавая бесконечные высочайшие и великокняжеские депеши, шедшие из Санкт-Петербурга и обратно. Приказы, указания и распоряжения из Зимнего дворца, военного министерства и Певческого моста, где располагалось Министерство иностранных дел, сыпались как горох из ведра, зачастую противореча друг другу.

7 января, после Рождества, к утреннему чаю к великому князю пришел его дипломатический советник Нелидов с депешей от министра иностранных дел Горчакова. Канцлер информировал, что государь направил важные письма в Германию и в Австрию, чтобы прозондировать их отношение к дальнейшему продвижению русских войск к турецкой столице. До получения ответа ставке главнокомандующего приказывалось тянуть время, спрашивая у турок, каковы их мирные условия, а свои не раскрывать. «Имеем причины предполагать, что Порты просила переговоров для умножения своих военных сил и воспользования нашими политическими условиями, дабы укрепить враждебное нам положение Биконсфилда и, сколь возможно, разрознить нас с нашими союзниками. Во всяком случае, военные действия не должны быть остановлены», – резюмировал Горчаков.

– Этот старик опять сбивает государя и делает вздор! – швырнул с досадой чайную ложку и встал из-за стола Николай Николаевич. – Этот великий дипломат не знает, в каком положении дело, и начинает все путать. То мы получаем указание в виде «последней уступки Англии, в Галлиполи отнюдь не идти», то Горчаков нам свысока, из теплого кабинета, советует не оста-

навливаться. Черт знает что! Сейчас самое время, не давая опомниться англичанам, быстро заключить мир и кончить дело.

– Ваше высочество, в свое время Дибич повелел утопить курьера из Зимнего дворца, чтобы не прерывать движения за Балканы.

– Это было в свое время! Однако скажи Чингисхану, чтобы прервал телеграфное сообщение и более ни одна депеша к нам не шла из России. Все по-тихому и без лишней ажитации. Давай-ка зови его сюда.

– Ваше высочество, Чингисхан, как говорит Газенкампф, настоящий телеграфный спортсмен. И хотя у некоторых против него здесь большие предупреждения, ибо считают его фанатичным мусульманином, Губайдулла – солдат исправный. Не сомневайтесь, все будет как надо.

Сын казахского хана Губайдулла Жангиров, получивший в довесок к своему родовому имени разрешения называться еще и Чингисом, действительно был отдаленным потомком знаменитого монгольского воителя. С началом войны Губайдулла как преданный офицер и опытный администратор был назначен начальником движения телеграфной корреспонденции Балканской армии. Именно этот человек стал основателем и войск связи России, а в Московском Кремле, на беломраморной стене в Георгиевском зале высечена его фамилия.

– А-а, явились! Лучше поздно, чем никогда. А то мне докладывают, где-то бродит тут Чингисхан, прячет от меня свою неверную басурманскую голову, – усмехнулся Николай Николаевич.

Невысокий, стройный, плосконосый, с темными горячими глазами азиат вытянулся перед ним в струнку. Выслушав приказ, Чингисхан лихо козырнул и, плутовски подмигнув Скалону, вышел со двора. Немедленно им было отдано распоряжение испортить телеграф. Связи с Петербургом и со штабами больше не было. Полнейшая тишина и безызвестность.

Даже новые данные о победе Гурко об окончательном разгроме армии Сулейман-паши не были своевременно отправлены в Петербург.

Переговоры

Наконец турки прибыли в Казанлык. У въезда их встречал почетный караул из гвардейской роты, проводивший их с музыкой до квартиры, и толпы болгар, с ненавистью глядевших на пашей.

– Вся эта ужасная война – дело рук Игнатьева, вашего посла в Стамбуле, – с порога стал плакаться Сервер-паша. – Это он все сделал, это он хотел этой войны.

– Но вы-то упорно стояли на своем, – напомнил ему Нелидов, директор дипломатической канцелярии при главнокомандующем, пришедший проведать турок. – Кто резал и притеснял христиан? Игнатьев? А когда Игнатьев уже уехал из Стамбула и я со слезами на глазах просил турецкое правительство согласиться на условия нового договора между нашими державами, как вы отреагировали?

– Мы были жестоко обмануты. Нам обещали помощь, уверяли в том, что как только начнется война, мы будем не одни – и вместо европейских армий дали нам только европейское оружие. Турцию погубила не Россия, а наши союзники. А сейчас я стар и разбит, – заканючил в свою очередь Намык-паша. – Но разбит не физически, а нравственно, видя то состояние, в котором находится мое отечество. Прошу вас, пусть его высочество будет снисходителен к нам, бедным туркам. Ведь вы еще не раз в своей жизни вспомните, что пили воду Константинополя и ели его хлеб.

– Его высочество лично расположен к вам, но вы не должны упускать из виду, что он не волен в своих решениях. И если вы будете тянуть время, то мы будем вынуждены увеличить свои требования, так как Россия понесла неисчислимые жертвы в этой войне.

Утром на другой день им была назначена аудиенция у великого князя. Турок сопровождала гвардейская рота с музыкой, да оборванные болгарские мальчишки бежали вслед, норовя запустить в спину послам шматки грязи и камней.

Великому князю посланников представил Нелидов. Разговор, на удивление, продолжался недолго – в течение десяти минут. Уполномоченные, склонив головы, с видом удрученного достоинства, вышли из кабинета главнокомандующего, сели в свои коляски и уехали.

Скалон осторожно постучал в дверь.

– Митька, это ты?

– Я, ваше высочество!

– Войди! – глухо прозвучал голос Николая Николаевича.

С задумчивым видом младший брат царя рассматривал карту полуострова Галлиполи. Через эту узкую, вытянутую далеко на юго-запад полосу земли, отделяющую Мраморное море и пролив Дарданеллы от Саросского залива и Эгейского моря, открывался стратегический выход к столице Османской империи.

Галлиполи, или, как его называют турки, Гелиболу, была последней турецкой точкой на европейской территории. С античных времен эта земля была известна как Херсонес Фракийский, через него проходили армии крестоносцев и купеческие караваны. Именно отсюда в XVI веке началась мусульманская экспансия в Европу. У входа в него сегодня стояла многотысячная русская армия, за две недели преодолевшая непроходимые зимние перевалы на Балканах, изготовившаяся, как зверь перед последним решающим прыжком на жертву...

– Что же, ваше величество, с чем они приехали? Что-то поняли из разговора с вами? – спросил его Скалон.

– Бог их знает! – чистосердечно ответил князь. Намык-паша на мой вопрос, зачем приехали и какое имеют поручение, ответил, что султан прислал их изъяснить свою покорность императору и повергнуть себя на его милосердие. Никаких, подчеркиваю, никаких условий капитуляции они не предлагают, полагаясь на наше снисхождение к побежденным. Я им сообщил, что торговаться с ними не желаю, и передал им наши условия заключения перемирия. Надеюсь, что турки меня поняли и согласились с моими доводами. Главное для меня другое: я удивляюсь непоследовательности государя. Ведь он два раза писал мне, что совершенно одобряет мои распоряжения, а потом изменил их. Должно быть, его сбил с толку Горчаков, затеявший очередную политическую интригу. Слушай, не могу писать. У меня холодеют и мертвоют руки, и я делаюсь нервным. Придумай сам что-нибудь от меня? А?

Сказав это, главнокомандующий бросил на стол перо и стал у окна, потягивая и складывая руки на груди, смотря куда-то вдаль заиндевевшего стекла. Скалон давно заметил эту привычку: нервничая, великий князь импульсивно шевелил руками и потягивался.

Вдруг Николай Николаевич резко повернулся:

– Я сегодня написал государю в зашифрованной телеграмме, что не могу больше медлить, что он и себя, и меня может поставить в затруднительное положение в виду нашего быстрого продвижения вперед. И, наконец, черт подери, я не знаю, где мне остановиться?! В Галлиполи, по его мнению, я не должен идти, а идти на Константинополь, не заняв Галлиполи, невозможно! В войсках начинают роптать, что мы тянем время...

Заминка в наступательном движении русских войск объяснялась большой политикой. Точнее, той сложной игрой, которую вели с Европой царь и Горчаков. Действительно, весь Петербург, вся Россия, армия в январе 1878 года ждали этого заключительного аккорда, раз и навсегда решавшего кровавый восточный вопрос. Великий князь Николай Николаевич упрашивал его согласиться на бескровное занятие Константинополя. А шанс на это был! Судьба тогда благоприятствовала России, чтобы раз и навсегда отделаться и от Турции, и от Англии. Даже Бисмарк, рейхсканцлер Германии, дал царю, едва ли не в первый и не в последний раз,

искренний, дружеский совет: *beati possidentes*⁹. Кардинальная перемена в настроении и планах царя, о чем знали или догадывались считанные единицы, была связана с телеграммой английской королевы Виктории. В ней «владычица морей» слезно умоляла остановить движение русских войск к Константинополю. И Александр II неожиданно согласился. Военный министр Дмитрий Милютин вспоминал, как царь всем упорно повторял одно и то же:

---

⁹ Счастливы обладающие (*лат.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.